

Селидор (А.К. Белов)

ВТОРЖЕНИЕ

Clear Air f
kson Air Station,
emya Island, AK

• Thule Air Force Base, Greenland

• RAF Fylingdales, UK

ier Air Force Station, ND

Beale Air Force Base, CA

• Cheyenne Mountain
Air Force Station, CO

• Cape Co

*Историю XX века определило ядерное оружие.
Какое оружие определит историю в XXI веке?*

12+

Александр Белов (Селидор)

Вторжение

«Автор»

2003

Белов (Селидор) А. К.

Вторжение / А. К. Белов (Селидор) — «Автор», 2003

Американские спецслужбы получают сигнал о необычной форме террористической атаки, методе, обнаружение которого стандартными приемами невозможно. Петер Зигель выбран одним из агентов, перед которым стоит задача вычислить неуловимое... Серию романов Вторжение объединяет "специализация" Петера - высокотехнологичные и малоизученные методы воздействия, построенные на использовании ресурсов человеческого тела. Автор, психолог и создатель знаменитой Славянки (Славяно-горицкой борьбы), профессиональный писатель, умеет завернуть напряженную интригу с первых строк. Переживать приключения Зигеля - такое же захватывающее удовольствие, как рассуждать вместе с автором о современных методах противостояния передовых армий, о ближайшем будущем ведущих разведок. В этом А.К.Белов разбирается как никто другой: на протяжении ряда лет он тесно взаимодействовал с военной разведкой России, участвовал в подготовке спецподразделений ГРУ, создав для них особую закрытую систему - штурмовой бой.

© Белов (Селидор) А. К., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Кстати	10
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Кстати	30
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Белов (Селидор)

Вторжение

Часть I

Техновидец

Самолёты будут падать, а мы – ковыряться в их останках...
Гилберт Ковальски

Глава 1

Форт-Полк, штат Луизиана, учебный центр войск стратегического развёртывания армии США.

Январь 1995 года.

Болотным пятном растянулись по бетонке рейнджеры. Жёлто-зелёные тела на белом рукаве взлётной полосы. Шёл четвертый час ожидания погрузки в самолёт, ничего не происходило, и лишь из включённых станций радиосвязи время от времени прорывалась переключка авиаторов. Обрывистые голоса «флайбоев» возникали и тут же пропадали в трескотне радиопомех. Рейнджеры отупели от бесполезного сидения на бетонке.

Мучить солдата можно по-разному. Например, ожиданием. Под боком у застывшего самолёта, один вид которого передаёт вам душевный зуд и отчаянную готовность к прыжку в неизвестное. Но «Сто тридцатый», замерев на стояночных тормозах, равнодушно наблюдал за людьми в болотных костюмах. Большой и неуклюжий С-130, похожий на посиневший обрубок баварской колбасы.

И вдруг всё преобразилось. Разом. Пятно вздрогнуло, зашевелилось, пошло нестройной волной. Кто-то ещё не разобрал команды, прослушал, но чутьё уже втолкнулось в сонные мозги с мыслью: «Приказ получен, погрузка»!

«Геркулес»¹ вырулил на взлётную, пошёл на разгон, оторвался от полосы, тяжело потянул вверх тупую морду и... вдруг, провалившись на этом рывке, рухнул на землю, снося проволочные ограждения аэродрома.

«Почему именно я?» – думал Петер Зигель после сегодняшнего посещения нью-йоркской штаб-квартиры РУМО². Он захлопнул тяжёлую дверцу «Бьюика», дёрнул ключом зажигания, и машина зашелестела колёсами по пепельной тёрке асфальта. Был второй час пополудни. Громяхая алюминиевыми жалюзи, на Гарлем-ривер просыпались ночные бары. Негры-рэперы с малиновыми и оранжевыми волосами страдали от безделья под тупую музыку магнитофонов.

Зигель ещё раз «прокрутил» в памяти разговор с полковником из нового отдела. Полковник был похож на боксёра, настоящего «профи», такого как Джек Демпси по прозвищу «Тигр». С плоским, мясистым носом и низким лбом. Полковник говорил, а Зигель не мог отогнать от себя глупую мысль, что этот человек сейчас сорвётся в уклоны, раскачиваясь корпусом, прижав скулы к плечам и выбирая, куда можно поставить свой чугунный левый хук.

---

¹ С-130 «Геркулес», винтовой четырёхмоторный военно-транспортный самолёт армии США

² РУМО – Разведывательное Управление Министерства обороны США. В английской транскрипции – Defense Intelligence Agency (DIA). Штаб-квартира в Пентагоне, Вашингтон, округ Колумбия.

– Это третий «Геркулес» за неделю, – говорил полковник, поглядывая на лейтенанта недружелюбно и с подозрением. – Результаты расследования ещё не оглашали, но по первым двум с большой долей уверенности можно сказать – техника здесь ни при чём. А что тогда? Человеческий фактор? Сразу по трём машинам? Лётный состав этих машин никак не связан между собой... Таких совпадений не бывает. Во всяком случае – для разведки. Я хочу знать, что за этим стоит.

Полковник тяжёлым взглядом прижал Зигеля к стене.

– Сэр, похоже на то, что мне предстоит отправиться на боевое патрулирование, не так ли? – по-армейски отбарабанил Зигель. – Разрешите приступить, сэр?

Солдат угадывался в нём не только по тупому и бесстрастному взгляду, направленному куда-то мимо вас, но и по привычке задира́ть подбородок выше носа собеседника. Строевая армейщина въелась в Зигеля намертво.

– Через сорок восемь часов у меня на столе должна лежать оперативная разработка по двум-трём персонам. Это всё, – сказал полковник и грохнул тяжёлой ладонью по столу.

Точно такие же задания полковник дал сегодня большинству своих сотрудников. Через сорок восемь часов он собирался увидеть, кто из этих разрабатываемых персон пересечётся по отчётам сотрудников его службы.

Когда Зигель ушёл, полковник ещё раз заглянул в его досье.

Зигель – немец по происхождению, родился в России в 1954 году. В сибирской деревне Кулунда. Отец – военнопленный, репатриирован в Германию в мае 1955 года. Семья осталась в России. В 74-ом Зигель попадает в Москву, в университет. Оформляет фиктивный брак с западной немкой и в 76-ом перебирается на Запад. Разыскивает в Германии отца. Через год вступает во второй брак. Его женой становится американка Урсула Томачек. В том же году вместе с Томачек переезжает в Штаты. В 82-ом году получает гражданство благодаря помощи родственника жены, сенатора Паркса. Сразу же, получив гражданство, Зигель пытается начать карьеру военного и попадает в парашютную школу в Форт-Беннинге. Через год заканчивает школу, получает красный берет³ и направление в первый батальон второй бригады 82-ой (“All American”) воздушно-десантной дивизии со специальностью «снайпер». Через год участвует в операции «Эрджент фьюри» в составе основного десанта...

Полковник отодвинул папку и нервно потёр ладонью лоб. Он тоже был там. Он помнил тот проклятый день 25 октября 1983 года, аэропорт Пойнт-Селайнз, розовые сумерки, пахнущие дымом утренних сигар и ромом. А ещё – беспорядочный огонь кубинцев, трассеры, рвущие небо...

Люди полковника О’Брайна летели вниз, чтобы тихо передавить спящую охрану аэродрома. Потом, за рейнджерами, должна была прыгать 82-я дивизия, основные силы вторжения. И этот сосунок Зигель, затерявшийся среди других парней с нашивками «АА», фирменным знаком 82-й дивизии. Но всё вышло иначе. Вместо спящей охраны его рейнджеров встретили огнём сумасшедшие кубинцы. Рядом на лямках парашюта висел и тихо плыл к земле труп какого-то сержанта из «Дельты». О’Брайн чуть не перехлестнулся с ним стропами.

Полковник вздохнул и продолжил чтение досье.

... Во время боёв в Гренаде на снайперском счету Зигеля было пять подтверждённых поражений противника. После тридцати шести месяцев службы рядовой первого класса Зигель подаёт рапорт о переводе в силы специальных операций. В качестве предполагаемого места рассматривается 10-я группа, специализирующаяся на Восточно-Европейской зоне. Получает отказ, увольняется из армии, но остаётся на должности инструктора по стрельбе в распоряжении Центра специальной войны имени Джи-фи Кеннеди в Форт-Брегге. Здесь в 1985 году им

---

³ американские десантники носят береты красного и бордового цветов

заинтересовалась военная разведка, Зигель переводится в «девяносто шестую группу».⁴ В том же году поступает на спецфакультет Военного института иностранных языков (Форд-Холобед). В 1990 году заканчивает институт⁵, получая специальность оперативного офицера агентурной разведки и звание первого лейтенанта. Направлен в Директорат разведывательных операций РУМО, в отдел агентурной разведки...

Полковник взял маркер и против графы «код» на личном деле Зигеля вывел жирными буквами: «Culunda». Сибирская деревня захватила его воображение.

«Почему именно я?» – думал Зигель, мягко поворачивая на сто двадцать пятую улицу. Вероятно, досе иногда знает о человеке больше, чем он сам может рассказать о себе.

Ему предстояло ехать из Бронкса в Ист-Виллидж, через весь город, предстояло торчать в «пробках» и думать о новой работе.

Зигель остановился недалеко от кабачка «Старый Дом Пива Мак-Сорлея», на углу седьмой улицы и второй авеню, вышел из машины, осмотрелся и закурил. В это предвечернее время народа здесь бывало немного, и каждый прохожий пропечатывался в памяти. Зигель неторопливо пошёл к пятнадцатому дому, где под зелёной вывеской ютилась одна из самых старых пивнушек Нью-Йорка. Её скрипучие дверные створки были распахнуты настежь.

В пивной пахло старым деревом и пыльными драпировками. Зигель уселся за тяжёлый стол из потемневшей корабельной доски, бросил в пепельницу смятую пустую пачку сигарет и придавил рядом окурочок. Официант принёс ему пинту голландского пива в мутном бокале и поменял пепельницу. Зигель пил неторопливо и сосредоточенно. Его взгляд не отрывался от стола, но он точно знал, что именно сейчас содержимое этой пустой пачки изучается за стойкой бара самым тщательным образом. Через связника – официанта пивной – Зигель всегда назначал встречу своим информаторам. Сегодня он вызывал Гукстейбла, или Маленького Гука, в девять вечера.

Полковник О'Брайн, несмотря на свою грозную внешность, имел одну существенную слабость – он был сентиментален. Непростительно сентиментален. Будто юноша из благополучной семьи. Патрик любил забраться с ногами в кресло, как это обычно делают женщины, и, потягивая скотч, смотреть немигающим взглядом на горящую свечу. Он любил чувствовать себя одиноким, но не любил быть им. Он любил зелёные пабы, маринованный лук и горькое ирландское пиво. Патрик питал варварскую страсть к своему шерстяному ирландскому пледу, в который вечерами кутался с головой и который возил с собой во все поездки. В остальном полковник О'Брайн оставался «крепким американским парнем» ирландского происхождения.

А ещё полковник любил ясность. Он любил наличие врага, но врага выявленного и понятного. То, с чем ему пришлось столкнуться, вызывало у ирландца чувство брезгливой ненависти. Нечто подобное женской реакции на скорпиона, ползающего в спальне по занавеске.

Нервозная оторопь полковника О'Брайна объяснялась ещё и тем, что он ненавидел русских, а Зигель был для него русским, и теперь уже его подчинённым.

Не прошло и суток с тех пор, как генерал Бейтс благословил Клаппера,⁶ и тот, принимая во внимание успехи «нетрадиционно-го дознания», отдал приказ о формировании при РУМО

---

⁴ группа невоенных операций, входящая в состав «Special Operations Command»

⁵ офицер военной разведки США должен иметь степень бакалавра разведки (военных наук), получив 4-хгодичное высшее образование. Общие требования к кандидатам в сотрудники спецслужб таковы: гражданство США, проверка на лояльность, отсутствие судимостей, возраст от 27 до 37 лет, профпригодность по состоянию здоровья.

⁶ генерал-лейтенант Яред Бейтс в 1995 году занимал пост генерального инспектора военного министерства США; гене-

новой группы оперативного контроля и привлечении её к расследованию типовых технических катастроф. Группа не имела собственного бюджета, и в её состав должны были войти сотрудники, откомандированные до особого распоряжения. Группа получила наименование «Отдел предварительной информации» («DPI» – Department of the preliminary information)⁷, а полковник О’Брайн становился её руководителем.

Сотрудники DPI подбирались из числа тех, кто участвовал в оперативных разработках по делам Объединённого комитета начальников штабов, Таможенного бюро и Береговой охраны. В основном дела эти входили в компетенцию дисциплинарной комиссии, но РУМО вкапывалось в них на предмет выявления своей правовой применимости. Военную разведку интересует всё. Даже неуставные взаимоотношения солдат интендантской роты.

Поскольку особого оперативного напряжения по делам о превышении должностных полномочий не наблюдалось, то разведчики от нечего делать немного помудрили с методами дознания. Этому активно способствовала неожиданно возникшая в числе директивных документов инструкция «Чувствительность как форма получения информации». По ней выходило, что информация как область оперативного контроля – понятие вовсе не юридическое. А если быть точнее, то к оперативному применению понятия «информация» относятся не только признательные показания, вещественные доказательства, результаты наблюдения и прослушивания и тому подобная чепуха, но и «все способы проявления объекта в системе физических законов природы, если дешифровка этих способов позволяет причислить объект к факту совершения преступления»⁸.

Зигель, или «Кулунда», как его теперь обозначил полковник О’Брайн, был из числа тех самых сотрудников, кто работал по новой директиве. Но главное состояло в том, что в досье Зигеля имелась весьма любопытная характеристика: «Во время тренировочной стрельбы Зигель предсказал восемнадцать попаданий из двадцати, а также предсказал со стопроцентной точностью результаты стрельбы ещё пяти снайперов». Речь шла о невозможном. Снайперы выбивали серии, и каждый из них ошибся на третьем выстреле. Психологическое воздействие здесь полностью исключалось, поскольку никто из них не знал результатов стрельбы своих товарищей. Не знал никто, кроме рядового первого класса Петера Зигеля. Причём результаты эти были ему известны ещё до выхода стрелков на огневой рубеж. Так Зигель попал в DPI.

В Оперативном Директорате Зигель специализировался на работе с бывшими эмигрантами из СССР. После развала Союза в Америку потоком хлынули новые «граждане мира», из числа тех, кто славно устроился и не перетруждался и при коммунистическом режиме. Зигеля интересовало прошлое этих людей, причастность к «оборонке», связи на прежней родине. Лучшим результатом оказалась разработка племянника бывшей работницы оборонного предприятия «Вымпел» со Старопетровско-Разумовского проезда Москвы. Правда, как позже оказалось, «Вымпел» этот шил парашюты, шинели и солдатские подштанники.

Племянник долго водил Зигеля за нос, намекая на свою компетентность. В итоге Зигель наорал на него, используя русские нецензурные выражения. Новоиспечённого разведчика совсем не интересовало, где в Москве шьют «секретные» кальсоны.

Между тем бывший десантник шёл на встречу со своим информатором. Всего у Зигеля их было пятеро: араб Салех, работавший под псевдонимом «Аль-хубара»,⁹ пара эмигрантов

рал-лейтенант Джеймс Р. Клаппер с ноября 1991 по сентябрь 1995 года – руководитель РУМО

⁷ DPI просуществовала до событий сентября 2001 года. После неудачного предотвращения терактов, по агентурным данным, была реорганизована

⁸ «Sensitivity as the form of reception of the information» The Special linguistic rate, Columbia University Press, 1995, для служебного пользования

⁹ в переводе с арабского – «специалист»

из СССР, сотрудник одной из финансовых компаний с Ганновер-сквер и стареющий юппи¹⁰ Маленький Гук. Правило требовало называть его именно так. Но как казалось Зигелю, для Маленького Гука больше подходило его же собственное имя Эдвард. Он был настоящим Эдвардом: высоким, сухим и нескладным. А ещё Маленький Гук был подслеповат, отчего всё время шурился.

Он и араб имели статус «доверительного лица». Это означало, что любые оперативные действия по информации, полученной от них, требовалось согласовывать с начальством.

Финансист с Ганновер-сквер разрабатывался в качестве конфиденциального источника и потому ценился выше. Но, по правде говоря, Эдд Гукстейбл приносил больше пользы, чем все источники РУМО. Он не слезал с компьютера, утопив мозги в Интернете, обладал феноменальной памятью, а главное – умел безошибочно отсеивать требуемые сведения от всякой шелухи, с виду очень похожей на правду. То есть «отделять плевелы от пшеницы». В сутки через него проходило столько информации, сколько пропускает через себя техническое бюро за неделю.

Ещё издали Зигель заметил долговязого парня в тёплой клетчатой рубашке навывпуск. Их встреча проходила в парке Вашингтон-сквера под сенью триумфальной арки. В девять вечера здесь было полно народа и не составляло особого труда затеряться среди гуляющих пар или снующих повсюду роллеров.

Наблюдая Маленького Гука, Зигель подумал, что лучшей ростовой мишени пожелать было бы трудно. Бывший снайпер почувствовал, как кровь приливает к его пальцам, как рука ищет согласованности с ритмом дыхания и как чутьё подсказывает: «Вот сейчас!», выбирая момент для выстрела. Ему почему-то захотелось завалить эту мишень! На уровне совершенно не объяснимых животных ощущений. От нахлынувших чувств Зигелю даже стало как-то не по себе.

А Маленький Гук спокойно стоял в двух шагах от шумной компании и ничего такого не подозревал.

Они коротко поздоровались и пошли вдоль скамеек. Зигель давно приучил информатора к порядку. А это значило – никаких собственных соображений, только исходные данные, «исходник», говоря на профессиональном жаргоне. Вообще Зигель вполне мог бы послушать собственные соображения Маленького Гука, но предпочёл оставить это на потом. Он сформулировал задачу, коротко объяснив, что катастрофы самолётов могли быть результатом умышленного волевого акта. Зигель так и сказал: «Волевого акта». По дороге сюда он долго думал, как обозвать существо проблемы, поскольку подходящей терминологии в DPI ещё не было. Слова отказывались сотрудничать с мозгами, но подойдя к Маленькому Гуку, Зигель запросто выговорил это словосочетание. Теперь Зигеля интересовало, кто откликнется на «положительный результат», если таковой действительно был связан с умышленным волевым актом.

Они жили в открытом обществе, и потому где-нибудь, кто-нибудь, когда-нибудь обязательно бы проявился в связи с «положительным результатом». Спрятать реакцию этой воли в полном молчании было практически невозможно.

Маленький Гук выслушал всё с живейшим интересом. Он не задумываясь, и не напрягая память, поведал разведчику, что не далее как сегодня утром некто Лерой готов был продать новейшую вне аппаратную технологию. Специализируется этот Лерой по машинам. Во время стендовых испытаний какой-то новой модели он снимал информацию, которую позже подтвердили датчики по работе подвески автомобиля.

---

¹⁰ юппи – американская преуспевающая молодёжь, занятая главным образом развитием собственной карьеры и достижением финансового успеха

– Ну и что? – разочарованно спросил Зигель.

– Лерой готов продать способ блокировки того или иного механического узла без вмешательства рук.

Зигель вздохнул:

– Странно, что ты обратил на это внимание. Сейчас подобные услуги может предложить любой экстрасенс.

– Нет, там было что-то ещё. Одна-две фразы, но бьющие в самую точку.

– Найдёшь?

– Постараюсь.

– Сразу свяжись с официантом, не дожидаясь вызова. Я жду эту информацию, – сказал Зигель, кивнул Маленькому Гуку и зашагал в сторону Пятой авеню, туда, где оставил машину.

Гукстейбл доплёлся до станции подземки на восьмой улице, обшарил карманы в поисках полутора долларового жетона и, пройдя через турникет, толкался в грязный вагон на жёлтой линии, который должен был увезти его в Куинс.

По дороге домой Маленький Гук подошёл к фаст-фуду, наречённому здесь «цыплячьей смертью»¹¹, выпил пинту пива и закусил порцией чёрных бобов с картонной тарелки. Под рваными плакатами пляжей Саут Пойн Парка со смеющимися детьми. Потом Эдвард вышел на проспект и поплёлся в сторону Гранд авеню. Уже при подходе к дому его мысли вспугнул звонок по мобильнику. Гукстейбл настойчиво требовал ответа, но звонивший молчал, и Маленький Гук сердито нажал на кнопку прерывания разговора. В этот момент он заметил, что в тени лиственницы кто-то стоит. Гукстейбл скорее даже почувствовал на себе чей-то взгляд. Он прищурился и попытался разглядеть прячущегося человека.

– Что же ты так долго, Эдди? – вдруг спросил неизвестный.

– Кто вы? – испугался Гукстейбл.

Человек под лиственницей поднял руку – и пистолет с трубой глушителя стукнул затворной рамой. Звук выстрела почти не было слышно, и если бы не этот «кляц», на вопрос Маленького Гука ответила бы только тишина.

Кстати

Весной 1983 года я впервые познакомился с программой управления ситуацией, близкой к той, о которой здесь идёт речь. Возглавлял группу Михаил Александрович Ч. Просуществовала группа недолго: через год, 9 февраля 1984 года, умер Юрий Владимирович Андропов, до своего прихода на пост главы государства возглавлявший Комитет Государственной Безопасности СССР; наши программы оказались свёрнутыми. Возможно, прекращение работы группы было связано с какими-то другими обстоятельствами; я могу судить об этом только по одной случайной фразе, произнесённой Ч., и стыкующей нашу работу с организаторской деятельностью Андропова на посту председателя КГБ.

Впечатление, которое на меня произвели возможности Михаила, было столь сильно, что и после контакта с ним я продолжал заниматься изучением вопроса дистанционного влияния, а двадцать лет спустя уже создал собственный метод. В те годы Ч. мог не только повторить многое из того, о чём дальше пойдёт речь, но и выполнять, например, передачу испытуемому на расстоянии симптомов различных болезней, в том числе и таких состояний, которые делали объект совершенно неработоспособным. Могу это утверждать с полной ответственностью, поскольку в 83-84-м годах на некоторых экспериментах испытуемым был я сам.

---

¹¹ «Кентукки фрай чикен»

Глава 2

Ровно в десять вечера Зигель снова почувствовал прилив крови к пальцам и горячее желание кого-нибудь подстрелить. Он ещё не знал, что именно в это время Маленький Гук у себя в Куинсе получил пару пуль в грудную клетку.

Утром, по дороге в Отдел, Зигеля завернул дежурный. На имя Зигеля была получена оперативная справка из полицейского компьютера. В ней значилось, что вчера вечером возле дверей своего дома был убит Эдвард Гукстейбл, проходивший по базе данных РУМО.

Петер плюхнулся на стул и тупо уставился в казённый бланк. Он соображал, что нужны данные полицейского дознания, что хорошо бы заглянуть в протокол, а до этого не стоит пороть горячку. И всё-таки ему очень хотелось, чтобы случившееся оказалось тем, что на полицейском жаргоне называют «хит»,¹² и чтобы случившееся непременно совпадало с фактом оперативного контакта с информатором. Значит, дельце что надо, не «тухлое». Происшествие неприятно щекотало Зигелю нервы.

Полицейский протокол не содержал никакой привязки происшествия к деятельности DPI. Тело обнаружила патрульная машина минут через 10–15 после убийства. Две гильзы, которые сейчас «простукивали» на предмет идентификации оружия, следы ног, угол ведения огня – ничего привлекательного. Зигель забрался в куртку, обстучал карманы в поисках ключей от машины и поспешил вниз.

Он отправился на Гранд авеню, чтобы самому всё обстоятельно осмотреть.

Первые же выводы, которые сделал Зигель, потоптавшись под лиственницей и наблюдая прохожих глазами «убийцы», говорили в пользу того, что вчера работал здесь стрелок удивительный и даже уникальный. Выстрелы были произведены из пяточка тени, полностью скрывающей убийцу, как от случайных прохожих, так и от глаз жильцов дома. Пятна света пересекались в двух шагах от дерева. Скрытность заставляла стрелка вести огонь с дистанции примерно в пятнадцать шагов, а без предварительного выцеливания так попасть через глушитель трудно. Одна пуля пробила Гукстейблу лёгкое, вторая – левый желудочек сердца. Всё чисто. Далее следовало, что стрелок был либо левшой от рождения, либо прекрасно стрелял с двух рук, поскольку, стреляя с правой руки, он бы упёрся спиной в сухую и острую ветку, да и не мог уже рассчитывать на скрытность. Вообще, место, которое он выбрал для засады, не давало никаких гарантий на поражение цели.

Таким же замечательным был и отход стрелка. Только в одном варианте из пяти он мог остаться незамеченным. Для этого убийце пришлось проскользнуть вдоль низкой чугунной ограды под окнами первого этажа, пробежать двадцать пять ярдов, согнувшись в три погибели по бордюрному камню, и нигде не оступиться на рыхлую землю! Петер спокойно мог повторить такой отход, потому что он проделывал сотни раз подобные штуки в Джорджии, в Форт-Бенинге¹³.

Уже через минуту Зигель знал, что ему делать, но был вынужден потерять полтора часа на дорогу, поскольку согласно инструкции связываться с технической службой по обычному телефону не имел права.

Приехав в Бюро, Зигель послал срочный запрос по линии специального контроля. По мнению Зигеля, в своём дознании он столкнулся с военным стрелком. На это указывал стиль стрельбы. Например, то обстоятельство, что с дистанции в двенадцать ярдов, не выцеливая

---

¹² hit – заказное убийство

¹³ учебный центр подготовки рейнджеров и место дислокации 3 батальона 75 полка, а также десантная «учебка»

мишень, мог стрелять практик с армейской школой. Здесь дело было даже не в дистанции. Только военный добивает в грудь. Для того чтобы добить человека в голову, к нему надо подойти, а армейский стрелок в ходе боестолкновения на средних дистанциях обычно не имеет такой возможности.

В Америке стрелять может каждый. По данным NRA¹⁴ у граждан США на руках находится 230 миллионов единиц огнестрельного оружия, из них 75–80 миллионов – пистолетов и револьверов. Всякий, кто хочет иметь карманный «Глок» или «Кольт», обязательно проходит стрелковые курсы, организованные для гражданских, как правило, бывшими полицейскими. Тренировочный настрел – 500 выстрелов, и лицензия вам обеспечена.

«Полицейская» школа стрельбы хорошо сочетается с гражданской оборонительной стрельбой. Это стрельба до победного конца или до исчезновения угрозы. У военных она чаще называется «беспорядочной». Кроме того, полицейские стреляют из положения приседа, направив ствол вверх, или стоя, направив ствол вниз. Это делается для того, чтобы избежать случайного поражения прохожих. В случае с Маленьким Гуком ничто не мешало убийце выпустить в парня целую обойму, но он этого не сделал. Только «пиф-паф», как при работе по мишени. Привычка. Практическая привычка.

Полицейские приучены стрелять хватом Уивера, держа пистолет в двух руках. Так сейчас стреляет весь мир. Этот хват пришёл от американской полицейской пистолетной школы. Он объясняется не только необходимостью создать при стрельбе устойчивость пистолета, но ещё и тем, что у «копов» пистолет – основное оружие, в то время как у военных – дополнительное и только для «дистанций рукопожатия». А если возникает необходимость плотного огня, стрелок должен мгновенно заменить чахлый ствол армейского «Кольта» на штурмовую винтовку, которая висит у него на плече. Потому хват Уивера не для армии. То есть, полицейский может использовать две руки одновременно, удерживая основное оружие, а военный – нет. Но чтобы стрелять так эффективно, как стрелял убийца Маленького Гука, практиковать нужно ежедневно.

Зигель знал две «военные» пистолетные школы. И всё-таки он был почти уверен, что работать по двум школам ему не придётся: внимание разведчика привлекла специальная группа «Парашютисты – спасатели»¹⁵. Это было связано с тем, что её стрелки практиковали особые методы пистолетного боя, оперативную, специальную стрельбу, выживание и прочее. Кроме того, они, по роду своей деятельности, свободно стреляли с глушителями, что в обычных клубах было запрещено, а секретность этой группы делала её недосягаемой для ФБР и полиции.

Скоро оказалось, что запрос по «спасателям» следует согласовать с начальством. Зигель выругался про себя и пошёл к полковнику, имея по делу о самолётах труп своего информатора и ни одного намёка на «умышленный волевой акт». Зигель вдруг представил себе, что будет если полиция не сегодня-завтра прихватит убийцу, а им окажется какой-нибудь темнокожий безработный, просто удачливый в стрельбе по прохожим.

О’Брайн считал себя строевым разведчиком, поэтому версия Кулунды ему понравилась. Она опиралась на простую и надёжную истину – хорошо стреляет тот, кто умеет это делать. А умеют это делать немногие. Полковник направил запрос по «спасателям», но каждый шаг Кулунды теперь был на виду начальника DPI.

---

¹⁴ Национальная стрелковая ассоциация США, штаб-квартира в г. Фейерфаксе, штат Вирджиния. Девиз: «По праву держать в руках и использовать в бою»

¹⁵ «U.S. Air Force Pararescue Teams», специализируются на спасении личного состава и имущества ВВС США, находящихся на вражеской территории. Одна из лучших стрелковых школ Америки.

О'Брайну и в голову не пришло затронуть тему мотива этого убийства специалистом из «Айр форс». На первом месте у полковника всегда стояла «физическая» доказательность, а уже потом всякая там психология. И в этом он был стопроцентным американцем, впитавшим с молоком матери постулат: «Хорошо только то, что практически ценно. Всё остальное бесполезно, а значит, и нехорошо».

Полковник подключил к дознанию Кулунды лейтенанта Дика Симонса из группы, зависшей на проблемах дистанционного видения.

Симонс принёс кофе в бумажных стаканчиках, и, усевшись прямо на стол, разведчики заспорили об особенностях ночных прицелов. Дик тоже кое в чём разбирался. Он когда-то брал уроки стрельбы у Бретта Мак-Куина из «Калифорния пистолкрафт». Для американских спецов по стрельбе это имя кое-что значит.

Менее чем через час разведчики знали, что среди воздушных спасателей оказалось только двое левшей. Куда сложнее было определить, находятся ли они сейчас на дежурстве в Форт-Брегге или слоняются по штату.

Зигель, не особенно полагаясь на успех, подключил к запросу и баллистический аспект. Пули, извлечённые из трупа, соответствовали стандарту 11,43 миллиметра, то есть сорок пятому калибру. Стрелять могли из чего угодно. Например, из «Кольта-Дифендера», двадцать первого «Глока» или ещё из чего-нибудь популярного. Но так бы думал любой полицейский служака, а Зигель знал, что сорок пятым патроном этот парень мог стрелять только из специального пистолета МК 23 MOD «Хеклер и Кох» с глушителем фирмы «Сандертрэп».

Пули, извлечённые из трупа полицейскими, не экспертировались, но, по описанию в акте вскрытия, расширяющиеся пулевые каналы подсказывали Зигелю, что это «Блэк Талон»¹⁶. Точно, «Блэк Талон».

Для того чтобы найти убийцу по двум стандартным пулям, требовалось чудо, счастливый случай, как это обычно бывает в кино, чем и дискредитируется вся система дознания. Никаких счастливых случаев, только процессуальные действия! И тут Зигеля осенило: кой чёрт ему нужна была стандартная процедура, он забыл, где работает!

Однако Симонс перехватил его вдохновение простым и банальным вопросом:

– Тебе не кажется странным, что он не сбросил оружие где-нибудь поблизости?

– Нет, не кажется. У это парня – специальный пистолет, и по его регистрации мы сразу бы вышли на стрелка. Это тебе не какой-нибудь «палёный» «Кольт» за сто баксов.

– Или он использовал табельное оружие, которое обязан вернуть в ящик.

Зигель сразу оживился. Такой вывод означал, что убийца у них в кармане. Достаточно было только получить санкцию на проведение негласной баллистической экспертизы по всем «хеклерам и кохам» воздушных спасателей.

– Да, но на это уйдёт уйма времени, – говорил О'Брайн, расхаживая по кабинету, – а мы не приблизились к разгадке самолётов ни на шаг. Линию твоего информатора стоит вести только в том случае, если окажется, что и Лероя прибили. Того, о ком упоминал информатор. Тогда уже будем делать выводы. Например, о том, что ваш разговор «на контакте» кем-то прослушивался.

Лерой по полицейским сводкам не проходил. Но куда большее разочарование ждало Зигеля, когда он прочитал на экране компьютерного монитора данные по баллистическому запросу. У спасателей... не было таких пистолетов. Они пользовались специальными «Беретами», «девятками» – 92 SBS «Special» под девяти- миллиметровый патрон.

---

¹⁶ боеприпасы фирмы «Winchester». «Блэк Талон» калибра 45 АКП проникают в мягкую ткань на глубину более 13 дюймов, постепенно увеличивая входное отверстие до диаметра в 8 дюймов (чуть больше 20 см). Пистолетный боеприпас в Америке бывает, главным образом, четырёх типов: под 9-миллиметровый патрон «Парабеллум», под 38-ой патрон «S», под 40-ой патрон «Смит-Вессон» и под 45-ый АСР. Редко кто использует другие боеприпасы.

Весь вечер Зигель просидел в баре на сорок седьмой улице, напротив сверкающих витрин «алмазного рынка». Он заказал себе огромный обрубок пирога с ореховым кремом и теперь ковырял его ложкой. На улице было холодно, шёл мокрый снег, отчего стальные панели и столы бара добавляли душе оцепенения.

Урсула уехала к матери в Мервиль, оставив Петера на неделю одного. У них не складывались отношения. Зигель стал заправским американцем, с престижной работой и особым положением в обществе. Толстая и близорукая Урсула, забывавшая по вечерам чистить зубы, а по утрам смотреть на себя в зеркало, начала раздражать Петера. Она это не замечала. Она жила миром университетской науки и не замечала того, что творится вокруг. Петер прирастал к дорогим костюмам из магазинов на Парк-авеню, а она осталась девушкой в стиле «садовых комбинезонов». Петер засматривался на чёрный лакированный «Порш» в витрине «Плазастилия», а она предпочитала велосипедные прогулки. Урсула жила в другом мире. Она сохраняла себя, оставаясь «вечной студенткой», поскольку в роли светской дамы была бы просто смешна.

Его мысли прервал внезапно появившийся Дик Симонс. Дик набросил плащ на стальные пальцы вешалки и заказал себе кофе с бразильским ромом. По его физиономии Зигель сделал вывод, что в дознании открылись новые обстоятельства. Обсуждать подобные вещи в баре инструкция запрещала. Симонс допил кофе, и они пошли к его машине.

– Я был в полицейском управлении Куинса, – сказал Симонс, усевшись за руль. – Представь себе: свежий труп, под деревом следы кроссовок, предположительно – средний рост, оружия нигде нет, значит, с собой унёс; у полицейских должно быть горячее желание пошарить по округе на предмет подозрительных персон. И что же? Получив наводку, одна из патрульных машин догоняет такого парня. В кроссовках, идёт нервно, слишком быстро для бездельника. Его останавливают, и он предъявляет карточку специального агента ЦРУ Тимоти Рой Беркли. Полицейские не имеют права его досматривать.

Я попросил прокрутить плёнку, мы увеличили морду этого Беркли и получили его портрет.¹⁷ А дальше – ещё интереснее. Заметь, этот парень не брал такси и удалялся от метро. Он что – поставил свою машину в трёх кварталах от засады? Бред. Значит, «уходил» ногами. А ещё это значит, что «крыша»¹⁸ у него где-то поблизости. Я влез в нашу картотеку, и как ты думаешь, что там нахожу? В прошлом году РУМО «распечатало»¹⁹ такую конспиративку на Лонг-Исланд, возле кладбища. Это в двух шагах от места убийства.

– Поехали! – вдохновился Зигель.

Они отправились в Куинс. Оперативные обстоятельства позволяли им не согласовывать свои действия с начальством.

Дом на Лонг-Исланд был погружён в полумрак. Горело только окно консьержки на первом этаже.

– Рано они ложатся, – заметил Симонс, разглядывая сухие жилы плюща между окон. – Судя по всему, это там, – он кивнул на угловую квартиру под крышей.

Зигель прислушался, и ему причудились хоральные звуки баптистской капеллы. Эти песнопения очень подходили мрачноватому покою дома из терракотового кирпича.

Дик отъехал и поставил машину в переулке.

---

¹⁷ все полицейские патрульные машины в США оборудованы видеокамерами. Любое задержание проводится при включённой видеокамере.

¹⁸ «крыша» на жаргоне нелегальной разведки – организация, работой в которой разведчик прикрывает свою деятельность; на жаргоне оперативников – просто оперативное прикрытие

¹⁹ обнаружило – проф. жаргон

– А паренёк-то засветился, – вдруг сказал Зигель, – стреляет он хорошо, но полицейские его «накололи».

– Всего не предусмотритишь. Жаль, что у нас нет плана этого дома, – ответил ему Симонс.

Разведчики вышли из машины и осмотрелись. Дом, где размещается конспиративная квартира разведывательной организации, непременно оборудовался камерами наружного наблюдения. Но румовцы решили идти ва-банк. Они пробрались к пожарной лестнице, вскарабкались на последнюю ржавую ступеньку, висевшую на кирпичной стене в десяти футах от земли, и оказались у коридорной двери второго этажа.

Зигель достал глотер²⁰ – и замок, издав тоскливый стон, сдался воле вторжения.

«Неприкосновенность жилища, имущества, личных бумаг и документов. Четвёртая поправка к Конституции США», – подумал Зигель. «Без санкции окружного прокурора», – подумал Симонс. «Оперативные обстоятельства», – подумали оба разведчика.

Длинный половик впитывал шаги румовцев. Зигель быстро направился к лестнице в конец коридора. Они двигались ходом шахматного коня: три шага вперёд и один в сторону.

На лестнице было так же тихо, и лунный свет стальных фонарей добавлял этой пустоте состояния торжественной напряжённости. Как в морге.

Разведчики поднялись на последний этаж, и Зигель тихим голосом скомандовал:

– Оружие к бою!

Симонс потянулся к револьверу, а Петер – к отмычке, как вдруг заскрипела дверь и в коридор кто-то втопался тяжёлым шагом.

Разведчики бросились вниз, сбежали на этаж ниже и прижались к стенам с двух сторон от лестничного пролёта. Через минуту, мурлыча под нос глуповатую песенку, мимо прошлёпал какой-то запоздалый гуляка. Румовцы дождались, когда он спустится на первый этаж, и только услышав хлопок входной двери, снова обратили себя к цели вторжения.

– Работаем быстро. Открываю – ты сразу на пол, влево от двери.

– Почему не вправо? – удивился Симонс.

– Потому что справа будет свет из коридора. Присед, длинный шаг вперёд, и сразу влево вниз за дверь.

– Понял.

– Приготовились! – Зигель достал глотер, покрываясь испариной, приблизил его к замочной скважине. Самая уязвимая позиция. Если их наблюдали, то сейчас они шли под огонь. Замок предательски громко щёлкнул. Зигеля чуть не перекосило – отмычка застряла в замочной скважине! Мгновения казались минутами. Наконец Петер толкнул дверь и отступил в сторону, пропуская Симонса.

Нервное напряжение отключило их от жизни, но мало-помалу они приходили в себя, потому что вокруг ничего не происходило. Зигель ещё раз осмотрел коридор и осторожно вошёл внутрь квартиры.

«Конспиративка» состояла из двух комнат, ванной и маленькой кухни. Лучики двух карманных фонарей бегали по её стенам. Симонс распотрошил ящики письменного стола.

– Портативная станция дистанционного прослушивания фирмы «Security Defense Systems» и лазерный микрофон, – сказал Дик, разглядывая аппаратуру. – Странно, что здесь никого нет. По приказу Студемана²¹, на всех таких объектах круглосуточно дежурит оперативный агент. Это после одного случая в Канзасе. Помнишь?

Зигель кивнул и принялся вскрывать сейф, вмонтированный в стену.

– Вот он, – сказал Петер, вынимая из сейфа удивительную штуковину. Такие вещицы он видел разве что в кино про недалёкое будущее. Дырявчатый ствол глушителя, галогенная

---

²⁰ «Gloater» G-61 – отмычка, специальное устройство для вскрытия пружинных замков.

²¹ адмирал Уильям Оливер Студеман, с 11.01.1995 по 09.05.1995 – исполняющий обязанности директора ЦРУ

фара на специальной коробке, лазерное и инфракрасное прицеливание. «Хеклер и Кох» – «SOCOM». Таких пистолетов пока не было даже в РУМО.

Зигель вынул обойму.

– Под патрон калибра 45 АСР, – сказал он.

В обойме не хватало двух патронов.

– А теперь мы проведём баллистическую экспертизу. – Зигель приложил одну к другой диванные подушки и прострелил их из этого пистолета. Потом извлёк пулю, дав ей остынуть, и завернул её в носовой платок.

Патрон в обойму он доложил своим сорок пятым. Хорошо, что Петер не пользовался револьвером, иначе этой подмены было бы не совершить – у револьвера патроны другие.

– От кроссовок этот тип избавился, – констатировал Симонс, основательно изучив все шкафы и углы «конспиративки».

– Что это ты делаешь? – спросил Зигель, наблюдая, как напарник обклеивает найденной где-то лентой скотча щель между входной дверью и дверным косяком.

– Никогда не приходилось так делать? Вот учись.

– Зачем это?

– У нас будет время на раздумье, если он внезапно появится. И у него тоже. Любого озадачит приклеенная дверь.

– Скотч, пожалуй, кстати, – Зигель взял у напарника ленту и принялся разбирать «Хеклер и Кох».

– Какой стрелок не захочет разобрать такую машину перед работой. А, как ты думаешь? Сверху он пальцев не оставит, но с деталей мы его пальчики снимем. С помощью скотча.

Петер тщательно прикладывал кусочки клеящей ленты к стойке ствола, рамке, ствольной трубке, коробке магазина.

Через четверть часа пистолет был возвращён на прежнее место, а ещё через пять минут разведчики покинули квартиру. Перед уходом Симонс, на всякий случай, плеснул соляного раствора в детекторы слежения и контроля.

Глава 3

Уже утром Зигель знал, что на ЦРУ никогда не работал специальный агент Тимоти Рой Беркли. Отпечатки его пальцев направили в центральную картотеку в Вашингтон.

Полковник О'Брайн откинулся на спинку кресла и, не дочитав рапорт Зигеля, сказал:

– Сдаётся мне, что этот Гукстейбл впутался в какую-то историю по линии ЦРУ. Вот они его и убрали через наёмника, действовавшего под прикрытием.

Проверить эту версию было практически невозможно, поскольку информацию по цэр-эушной «оперативке» не мог бы добыть даже генерал Клаппер.

Когда Кулунда, стукнув каблуками, вышел из кабинета, О'Брайн по секретной связи позвонил в Пентагон.

К полудню было принято решение задержать Беркли. Отпечатки его пальцев незамедлительно направили в картотеку ФБР, за квартирой на Лонг-Исланд установили наблюдение, а самого Беркли объявили в федеральный розыск.

О'Брайн прекрасно понимал, что эти действия могут спугнуть стрелка, ЦРУ засунет его в какой-нибудь медвежий угол в Северной Миннесоте, где у Беркли появится новая легенда, а с ней и новое будущее. Но в данной ситуации полковника больше интересовало не будущее этого человека, а его прошлое. Ирландец доверял выводам Зигеля и не ошибся. Оперативный отдел РУМО в Форт-Брегге подтвердил причастность Беркли к спасателям. По фотографии, сделанной с видеосъёмки из полицейской машины, удалось установить его подлинную личность. Стрелком оказался бывший боец подразделения воздушных спасателей мастер-сержант Эйбрахам Баллок по прозвищу «Тишайший». Теперь О'Брайн знал о нём всё.

Чутьё подсказывала Зигелю, что они ещё не упустили стрелка. Правда он сделал своё дело и стал «спящим» агентом, то есть подвергся консервации до следующего раза, под который для него будет специально отработано новое оперативное прикрытия и «крыша». Но Зигель чувствовал, что Баллок в Нью-Йорке.

Внезапно позвонила «наружка»²². Оперативники сообщали, что Тишайший появился возле дома на Лонг-Исланд, и вошёл в подъезд.

Руководить задержанием вызвался сам О'Брайн. Он демонстративно, при всех, вложил свой «Пара Орднанс» в маленькую мягкую кобуру на поясе и решительным шагом перенёс себя через коридор к стеклянным дверям отдела. Порыв громилы-ирландца, вооружавшегося на ходу, был очень выразителен.

– Какого чёрта ты слоняешься по городу? – спросил цэрэушник, пропуская Баллока через порог квартиры. Цэрэушника беспокоил тот факт, что квартира примерно час назад попала в поле направленного низкочастотного диапазона, о чём свидетельствовала аппаратура. Это вполне могло быть внешним прослушиванием.

– Они ищут Беркли. Вот и пусть себе ищут, – невозмутимо сказал Баллок. – Его самолёт вылетает сегодня из Ла-Гардии²³, и теперь это дело ФБР.

Баллок не собирался никуда лететь. Ложный след обеспечивал ему отход. ФБР, если оно зацепило версию «специального агента Беркли», должно было обязательно проверить вариант аэропорта.

Бывший мастер-сержант потоптался возле стола и, кивнув на встроенный в стену сейф, попросил:

---

²² оперативники, занимающиеся наружным наблюдением. На жаргоне американских спецслужб – «tail» (дословно – «задница»). То же, что у нас «хвост».

²³ один из аэропортов Нью-Йорка

– Покажи-ка мне его ещё раз.

– О, да ты чувствителен!

– Только к оружию.

Цэрэушник нехотя оторвался от аппаратуры и пошёл доставать «Хеклер и Кох».

Две машины въехали на стоянку возле бруклинского кладбища. Нигде на проспекте, ближе к дому, свободных стояночных мест не было. Румовцы уверенно направились вдоль ограды, и в этот момент позвонила «наружка». О'Брайну стоило немалых усилий, чтобы не сойти с лица.

– Он вышел из квартиры и идёт по коридору, – сказал полковник. – Быстрее!

Румовцы перешли на бег, придерживая локтями прыгающие под пиджаками кобуры.

– Наши докладывают, что, по данным «прослушки», на нём бронезилет, – на ходу выговорил полковник.

Зигель подумал, что пора выдвигаться с инициативой.

– Сэр, – начал он, – хотел бы предложить вам пустить меня вперёд, всё-таки этот парень стреляет вполне достойно, сэр.

О'Брайн тут же вспомнил, что и его сотрудник имел кое-какое отношение к стрелковому спорту.

– Если он выйдет на улицу, операцию будем считать проваленной, – задыхаясь и переходя на шаг, констатировал ирландец.

Зигель понимал, что у него остаются не то что минуты – мгновения. Пренебрегая достоинством, разведчик побежал через улицу так, как это делают спринтеры на гаревой дорожке. Рука лейтенанта вцепилась в тяжёлую рукоять «Астры-Пантеры», но вытаскивать пистолет Зигель не спешил.

Его глаза пожирали пространство до двери из белого пластика. Двести ярдов... сто ярдов... пятьдесят ярдов... двадцать пять ярдов... Дверь распахнулась так резко, будто из дому выносило ураган.

Они были друг против друга, но Баллок ещё не различил среди прохожих человека в плаще, воткнувшегося в него взглядом. Возможно, бывшего спасателя что-то слишком расслабило.

Мастер-сержант захлопнул дверь. Теперь он оказался отрезанным от дома. Баллок уже собирался шагнуть вперёд, но тут его взгляд попал в глаза застывшего напротив парня. В одно мгновение в голове Баллока метнулась мысль: «Проклятые копы!» Он перенёс руку в тёплое подкладочное пространство куртки и тут же увидел против себя чёрный глазок уже направленного в него пистолета. Всё. Не успел. «Даже не вздумай!» – сказал противник, и два выстрела в грудь отбросили Баллока к двери.

В вас никогда не стреляли вот так – глаза в глаза? О, это тревожное зрелище! Что испытывает человек, попавший под огонь, например, армейского кольта? Если силу и мощь падающего бревна заключить в летящую свинцовую горошину, будет примерно то же самое.

Зигель очень надеялся, что у Баллока действительно есть бронезилет. Впрочем, румовец это понял по тому, как вошли пули.

Баллок тряс головой и всё-таки пытался дотянуться до кобуры. Машинально.

– Не вздумай, – повторил Зигель, уже успокоившись и почти дружелюбно наводя ствол на побелевший лоб противника.

Баллок понял, что этот бой он проиграл.

У наёмника нет никаких прав. Особенно когда ему суют под нос газету, где чёрным по белому написано, что он был убит во вчерашней перестрелке с агентами ФБР.

Баллок откинулся на спинку стула, скривил рот и, не подумав, сказал:

– И тело сможете предъявить?

– Так вот оно – тело, – кивнул на него полковник. Ирландец был столь убедителен в своей решимости поставить в этом вопросе точку, что бывший мастер-сержант приуныл. РУМО на открытый конфликт с ЦРУ не пойдёт, значит... значит, Эйбрахам Баллок уже нигде и никогда всплыть не должен. От него не останется ничего, что можно было бы идентифицировать. Ничего пригодного для анализа на ДНК. Интересно, что они сделают с трупом? Они труп не отдадут, потому что цэрэушники установят разницу в дате смерти. Ведь, по существующей официальной версии, дата смерти уже существовала, Баллока «убили» вчера...

Бывший мастер-сержант не был пуглив. Он не боялся смерти в бою, но сейчас, когда она стояла в шаге от него и дразнила Тишайшего зубастой улыбкой, он решил, что можно ещё и за жизнь побороться. Нет, он не станет пропадать за просто так, Баллок – специалист, а значит, имеет цену. Всё имеет свою цену, и у него тоже есть ярлык.

Подтвердив желание сотрудничать, Баллок пока ещё не выгадал ничего. Полковник О'Брайн имел все основания считать, что его подопечный, являясь последним звеном в оперативных мероприятиях по Гукстейблу, мало что может знать. Прояснить дело предстояло с помощью лей-детектора. Отношение к полиграфу, одному из модификаций детектора лжи, в США неоднозначное. Доказательства, полученные с его помощью, принимаются судами лишь ограниченного количества штатов. В Нью-Йорке, к примеру, на этих данных нельзя строить обвинение. Однако регулярную проверку на лей-детекторе проходят даже служащие Госдепа, имеющие отношение к секретной информации.

В Госдепартаменте используют детекторы фирмы «Лафайет». Данные, полученные с этих аппаратов, входят уже в область правового регулирования. Правда, за одну только ложь, подмеченную детектором, к суду в США не был ещё привлечён ни один человек²⁴

Полковник велел проследить, чтобы Баллока не поили кофе, и чтобы наёмник не вздумал изнурять себя физкультурой.

Психофизиолог Вэйн был узколицым, потливым даже зимой и совершенно ко всему равнодушным. Он установил датчики, соединённые с кардиографическим и пневмографическим самописцами, надел на руку своему подопечному тугую манжету, а грудь обтянул трубкой, после чего подключил электроды, соединённые с пальцами Баллока, к омметру, и объяснил своему подопечному, что от него требуется. Вэйн углубился в проверку частотной тональности самописцев.

– Не дёргайте рукой, это искажает вашу кожно-гальваническую реакцию, – сказал Вэйн, не поднимая глаз на подопытного.

– Я и не дёргаю, – вяло отреагировал Баллок. – Сейчас нужно отвечать односложно, только «да» или «нет». Приступим. Вас зовут Эйбрахам Баллок?

– Да.

– Вы служили в Военно-воздушных силах?

– Да.

– Ваше звание мастер-сержант?

– Да.

– Это вы застрелили Эдварда Гукстейбла?

– Да.

– Ваше воинское звание майор?

---

²⁴ Более надёжным прибором, активно используемым в структурных подразделениях органов разведки США, признан Dektor PSE-101 (Сигнализатор стресса). Его действие основано на методе определения голосовых модуляций при неврологических изменениях, вызываемых действием стресса. Этот прибор работает по иному, чем полиграф принципу. Доказательства, полученные с помощью PSE-101, принимаются судами 16 штатов: Калифорния, Флорида, Иллинойс, Индиана, Луизиана, Мэриленд, Массачусетс, Мичиган, Миннесота, Северная Каролина, Северная Дакота, Огайо, Южная Дакота, Теннесси, Техас и Западная Виржиния

- Нет.
- Вы родом из Огайо?
- Нет.
- Вы стреляли в Гукстейбла из пистолета «Кольт»?
- Нет.
- Вы сотрудник РУМО?
- Нет.

Каждый ответ, требовавший от Баллока волевых усилий, сопровождался выдохом. Неприметным для него самого, но чутко снимаемым полиграфом. И хотя бывший спасатель отвечал правдиво, признаваться в убийстве человека ему было психологически неудобно. Полиграф отметил это провалившееся «да», а Вэйн фиксировал различные варианты правдивых ответов испытуемого.

Некоторые называют реакцию, под которую и работает «детектор лжи», – волнением. Но такое определение будет неточным. Скорее полиграф наблюдает тонкую борьбу колебаний между устойчивым безразличием и чувствительной неуверенностью.

Вэйн на минуту застыл над бумажной распечаткой полученной записи и удовлетворённо сказал:

– Хорошая тональность, теперь вам будет трудно меня обвести вокруг пальца. Ну что ж, приступим, пожалуй. Ещё раз напоминаю, не нужно прилагать волевых усилий, это обязательно отразится на показаниях прибора. Итак, вы убили Гукстейбла с целью проникновения в РУМО?

- Нет.
- Вы получили задание проникнуть в РУМО?
- Нет.
- Вы собирались проникнуть в РУМО, способом подставиться под арест?
- Нет.
- Вы знаете, кто такой Маленький Гук?
- Нет.
- Вы знаете, что Гукстейбл являлся информатором РУМО?
- Нет.
- Вы знаете причину устранения Гукстейбла?

– Отчасти.

– Я же просил только «да» или «нет»!

– А как здесь ответишь односложно? Мне ведь такие штуки знать не положено, потому я прикинул, что к чему и сделал сам кое-какие выводы.

– Ладно, будем считать, что вы знали причину устранения Гукстейбла. Продолжим. Вы знаете, чем занимался Гукстейбл?

- Нет.
- Вы знаете, почему вам поручили убить Гукстейбла?
- Нет...

О’Брайн с нетерпением посмотрел на дверь. Прошло уже два часа, с того момента как этот бывший спасатель сел в кресло перед лей-детектором. Полковник сам составлял вопросы, которые сейчас задавал Вэйн. Так делать не принято, но у них было слишком мало времени.

Наконец Вэйн вызвал охрану, сопроводившую Баллока в специально подготовленный для его заточения кабинет с двойными дверями, а сам явился к полковнику О’Брайну.

– Ну что? – спросил ирландец.

– Конечно, он что-то знает. Возможно, при нём велись кое-какие разговоры. Во всяком случае, вполне очевидно, что причиной гибели нашего информатора стала его встреча с сотруд-

ником РУМО. Цэрэушники подозревали Гукстейбла в желании продать нам информацию по какому-то проекту. Но по какому? На этот вопрос Баллок не ответит.

– Чушь, – произнёс вслух ирландец, когда Вэйн ушёл. – ЦРУ не КГБ, оно не станет отстреливать информатора за передачу нам разведанных. Его, скорее, просто отсекали от какой-то информации. В своих поисках он мог далеко зайти. Такая операция планируется, разве что, на уровне среднего звена.

Баллок не ответил, о каком проекте шла речь. Он знал, что по этому проекту ЦРУ держало на контроле двух человек. Вторым был «парень из Ричмонда». А ещё Баллок навёл РУМО на оперативного офицера, занимавшегося в ЦРУ разработкой этого «важного парня». Сотрудника ЦРУ звали Гилберт Ковальски. Он и попадал в то самое «среднее звено», о котором думал О’Брайн.

Полковник подошёл к окну и произнёс, обращаясь скорее к своим мыслям:

– А между тем комиссия запретила полёты «сто тридцатых». До выяснения причины аварий.

Полковник был убеждён в том, что обыск на квартире у Гукстейбла ничего не даст. Ирландец почему-то верил, что Зигель не мог проглядеть коварства своего парня, имевшего характеристику прямолинейного, бесхитростного и малообщительного зануды.

И всё-таки Зигель и Симонс, под видом федеральных агентов, поехали на квартиру к Гукстейблу.

К вечеру они имели информацию о том, что среди друзей Маленького Гука в Ричмонде проживал только один – Улисс Хоуп.

В колледже Улисс имел прозвище Базука. Он помешался на всякой «военке», от тупоносых ботинок для парашютистов фирмы «Коркоран» до роторных пулемётов. Улисс Хоуп мог без запинки рассказать, что делала седьмая дивизия морской пехоты 15 сентября 1950 года в Инчхоне; он перекрасил свою куртку в «лесной» узор²⁵, мог пробежать кросс и двадцать раз залезть по канату на одних руках, как заправский рейнджер, он помышлял о карьере военного, но... Это проклятое «но» частенько рушит планы даже самых настойчивых и целеустремлённых парней. Однажды в гараже, помогая отцу отремонтировать машину, Улисс не закрепил стойки – и машина задним мостом придавила ему ногу. Мечта растаяла, как молочная завесь над Гудзоном. Эта груда железа похоронила его будущее.

Хоуп работал в маленькой фирме по продаже очистителей-ионизаторов воздуха. Он скрывался от старых друзей, жил в перестроенном гараже среди жестяных стен и нарисованных мишеней, по которым, напившись, кидал бутылки. Улисс был неудачником. Парень понимал, что не имеет будущего, что жизнь, так и не начавшись по-настоящему, уже прошла мимо. Иногда он переключался на посторонние мысли, например, однажды решил стать философом. Хоуп принялся выдумывать разные складные изречения. Но и здесь у него скоро опустились руки. Он сочинил: «Если ты видишь впереди себя только спины, значит, все куда-то свалили... Нет – значит, все идут с тобой в одном направлении».

– Не понятно только, какого чёрта ты плетёшься в хвосте, – вздохнул Улисс.

Философия получалась глупой и депрессивной.

Лишь один человек не вызывал в нём отвращения. Это был Эдди Гукстейбл. Они могли браться за любые безумные проекты. Например, за создание сверхмощного глоссера с программным управлением. Они даже выдумали новый состав горючего для своего глоссера, но Эдд быстро охладел к этому проекту, и друзья взялись за разработку инфразвуковой бомбы.

---

²⁵ знаменитый узор американского камуфляжа M81

Однажды Гукстейбл рассказал Улиссу о том, что, по его мнению, существует информационная энергия, представляющая движение собственных заряженных частиц – энеонов. Эдди, наверно, тут же забыл о своём открытии, но Хоуп внезапно прозрел для создания целой теории «информационного вещества», которая, впрочем, вскорости лопнула как мыльный пузырь. Хоуп стал похож на голодного хищника, попробовавшего крови. Боясь выглядеть глупцом в глазах друга, он никогда не рассказывал Гукстейблу о собственных изысканиях в «нетрадиционной» науке.

По воскресеньям Улисс настроился посещать лекции популярной физики профессора Магнуса Ноэла при нью-йоркской Публичной библиотеке. Там он и узнал, что поисками этого мифического вещества болели многие учёные, ещё с античных времён. Средневековые алхимики даже пытались на его основе создать искусственного человека – гомункулуса, но все их потуги в конечном счёте привели теорию эфирного тела к полному краху. Нет никакого гомонкулярного вещества. Его просто не существует. Этот вывод ещё больше подорвал и без того хлипкое равновесие одинокого разума Улисса Хоупа.

И всё-таки Улисс верил, что загадка совершения любого открытия связана именно с направленным потоком энеонов. Чувствительный человек способен поглощать эти потоки и передаваемую ими информацию в десятки, сотни раз мощнее простого смертного. Ведь что такое физика? Только совокупность открытий и выводов, тогда как сами законы организации материального пространства существовали и вне зависимости от Ньютона и Эйнштейна. Существовая как действия, эти законы отражены в информационном пространстве подобно тому, как звук, цвет, форма и запах отражают любой предмет материального мира. И только нацеленные на них мозговые детекторы способны хватать информацию в виде прекрасного озарения. Ведь именно так действовал Томас Алва Эдисон, когда изобрёл свои электрические цепи. А потом заменил ими в Нью-Йорке газовые фонари.

Так думал Улисс Хоуп по прозвищу Базука. Эти мысли подсказали ему, что у всякого действия есть характеристика, через которую можно оценить это действие в качестве полезного или бесполезного, удачного или неудачного.

По воскресеньям он мог часами наблюдать, как возле Публичной библиотеки, в районе Браент-парка, торопливые людишки пытаются поймать такси. Подходит клиент и подходит машина – удачное действие, подходит клиент, а машины нет – неудачное действие.

Хоуп заметил, что он научился понимать ещё до самого результата, какое действие будет удачным, а какое – нет. «Это же просто, чёрт возьми, – сказал себе Улисс, – нужно только быть совершенно равнодушным и не стараться подсказывать собственным мыслям».

Однажды Гукстейбл пришёл в гараж Улисса не один, а с длинноногой девицей, которую звали Бетти. Девица приворожила взгляд Хоупа. Она прохаживалась по гаражу туда-сюда, всё время выставляя на показ свою обтянутую джинсами попку. В конце концов Улисс из-за чего-то разозлился на Эдварда, и они поссорились. А спустя два дня Бетти сама заявила в гараж и с тех пор стала в нём хозяйкой. Возможно, именно это, а вовсе не ссора превратила Гукстейбла и Хоупа в телефонных друзей, типа «как дела?».

Бетти оказалась очень привязчивой, её не отпугнула даже одичалая грубость нового приятеля. Правда, по воскресеньям, когда его допоздна не бывало дома, в их гараже подолгу задерживались подружки Бетти. Они веселились, покуривая марихуану и заливая в себя всё спиртное, что обнаруживалось в ангаре.

Бетти охотно пересказывала подругам идеи Улисса, например то, что всё прогрессивное в Америке начиналось в ангарах и гаражах.

В тот вечер Улисс пришёл пьяный. Он даже не заметил гостей, что притихли среди подушек на огромном розовом диване посреди ангара.

Улисс плюхнулся на стул, тупо уставился на пустую бутылку и заговорил, обращаясь к зеркалу:

– Знаешь ли ты, что такое коэффициент «си»? Нет? Ну и дурак. «Си» – это коэффициент конфликта. Сегодня я научился подключать его когда надо. Подходит клиент и должна подойти машина, а я тут как тут. И вот я подключаю коэффициент конфликта, и где машина? Правильно, её нет. А теперь представь себе, что я еду во Флориду на мыс Канаверал. Это миль двести на восток от Орlando. И вот они запускают свой «Шатл», а я запускаю коэффициент «си». Представляешь, что произойдёт? Но я ведь могу и не запускать его. Правда это будет стоить кое-каких денег и всё такое...

Хоуп уронил на стол голову, и слюни запузырились по его пухлым расфуфыренным губам.

С этого дня он попал в разработку. Одна из подружек Бетти оказалась федеральным агентом.

ФБР скинуло Хоупа ЦРУ. Сперва он оказался в поле зрения антитеррористического центра, но недавно закрытая программа «Remote viewing»²⁶ оставила после себя ориентировки, и таким образом история Улисса Хоупа наконец доплелась до Директората планирования и Отдела исследований и развития. Цэрэушники не знали, что с ней делать, ведь состава преступления в действиях Хоупа не было, не было и вновь открывшегося феномена, а для того чтобы «вести» человека по своему ведомству, нужно его действия как-то квалифицировать. Заметим, действия, а не болтовню. Так, в магазинчике «Хрустальный воздух», где работал Улисс, однажды появился покупатель, которого меньше всего на свете интересовали очистители воздуха.

Возможно, эта история никогда бы и не стала детективной, а Эдвард Гукстейбл дожил до глубокой старости, если бы в маленьком холле «Хрустального воздуха» не перегорела галогеновая лампочка.

---

²⁶ программа секретных исследований в области парапсихологии. Была открыта в 1972 году. Первоначально финансировалась ЦРУ, в дальнейшем, ввиду специфичности целей, перешла РУМО. ЦРУ на первом этапе программы установило, что способность наблюдать объект, скрытый от визуального контроля (например, прочитать письмо в нераспечатанном конверте), является не мистификацией, а трудно объяснимым феноменом, который может быть использован для сбора разведывательной информации. Исследования начались в Стенфордском институте исследований, позже перешли в SAIC. На этом этапе (1972–1985 гг.) программой руководил Г.Е.Пухофф. С 1974 года программа начинает работать на получение сведений о ядерных объектах СССР. Один из участников программы Инго Сванн на основании «дистанционного наблюдения» составил схему расположения построек на объекте в Семипалатинске, которая была позже подтверждена данными со спутника и сведениями из разведывательных источников. Это дало возможность подключения к программе РУМО. В 1975 году с помощью программы «Remote viewing» составляются схемы расположения боевых стартовых площадок советских ракет под г. Козельском. Американцы нацеливают в этот район свой спутник (его слежение советской военной разведкой получает кодированное наименование «Сигнал «Тропа»). Уже через год эти объекты по программе ОСВ-1 пришлось уничтожить. Однако в дальнейшем «Remote viewing» дала ряд сбоев и в 1993 году её финансирование было прекращено. История закрытия программы может быть связана с успешным проведением специальных мероприятий ПГУ (Первым главным управлением) КГБ СССР

Глава 4

Новость, потрясшая всех, – О’Брайн так просто впал от неё в истерику, – заключалась в том, что ночью Баллок сбежал. В DPI не было камеры-изолятора для задержанных, поскольку этот отдел имел совершенно иную оперативную практику. Стало быть, не было конвоиров и даже не нашлось наручников. Руки Баллоку, когда он просился в туалет, обматывали скотчем. Но трудно ли разодрать несколько слоёв липкой ленты, если приложить к этому старание. Особенно если учесть, что от скотча легко можно было освободиться с помощью оконных кронштейнов, водопроводного крана, батареи и тому подобного.

Утром Баллока должны были конвоировать на одну из военных баз. Для него временно присмотрели подходящую гауптвахту. Стерегли арестанта двое дежурных. Стерегли, да проглядели. Он ушёл, как заправский каскадёр – по стене фасада здания, спустившись из окошка четвёртого этажа.

Зигель даже и предположить не мог, при каких обстоятельствах ему придётся ещё раз повстречать лихого спасателя.

Посетитель магазина на Ровэй-сквер сосредоточенно изучал компактные ионизаторы в стеклянном колпаке крутящейся витрины. Хозяин посмотрел на Хоупа и мотнул головой в сторону клиента. Улисс нехотя поплёлся к посетителю.

– Вам помочь, сэр? – без особого энтузиазма спросил Хоуп.

– Меня интересуют высокочастотные очистители, – сказал покупатель, не отрывая взгляда от ионизаторов.

– Никогда о таких не слышал.

– Они не только освежают воздух, но и разряжают направленное отрицательное влияние.

– Что разряжают?

– Отрицательное влияние, – повторил покупатель. – Это когда в зоне вашего жизненного пространства создаётся поле конфликтных ситуаций.

– Думаю, сэр, что вы ошибаетесь. Такой штуки ещё никто не изобрёл, – улыбнулся Хоуп.

– Да, уж поверьте мне, я в этом кое-что смыслю.

– Я тоже кое-что смыслю, – заупрямился Улисс, забыв об учтивости.

– Неужели вы не допускаете мысли, что некоторые конфликтные ситуации можно направлять на человека? – заспорил посетитель «Хрустального воздуха».

– Я не допускаю?! – возмутился Хоуп. – Да я сам...

– Что сам? Вот я действительно раньше умел притягивать дождевые тучи над Канзасом. В пяти случаях из десяти это получалось. Попробовали бы вы хоть раз вызвать дождь!

Хоуп снисходительно покачал головой.

– Подумаешь, в пяти случаях! А нарушить технологический процесс вам никогда не удалось? – спросил он с видом эксперта по чрезвычайным ситуациям. – Допустим... – Улисс осмотрел холл магазина в поисках примера, – нарушить освещение зала?

И тут одна из галлогеновых лампочек погасла. Это выглядело очень убедительно. Настолько убедительно, что странный покупатель «Хрустального воздуха» остудил технотворные порывы Хоупа холодным взглядом. Улиссу почему-то сразу показалось, что этот человек сюда пришёл вовсе не за покупкой.

Гилберт Ковальски долго вчитывался в рапорт своего специального агента. Получалось так, что Соединённые Штаты стояли перед лицом новой глобальной угрозы. Некий молодчик мог потенциально создать любую техногенную катастрофу. Как он это делал – неизвестно, однако эксперт из группы технического мониторинга подтвердил его возможности.

Итак, что произошло? «В ходе демонстрации своих возможностей объект определил цель в виде электроприбора, выразил предполагаемую форму создания неисправности и направленным волевым усилием вывел из строя электроприбор, в полном соответствии с поставленной задачей». Выразил цель и вывел из строя... Да, это серьёзно. Что такое замыкание в электропроводке, если речь идёт о системе жизнеобеспечения, например, боевого истребителя? Но ведь в магазине всего-навсего перегорела лампочка. Правда, в тот самый момент, когда этот «объект» пустословил о своих способностях. Но ведь «выразил цель и вывел из строя»!

Ковальски не имел права так думать, но он так думал. Служба в разведке заставляла его в каждой случайной ситуации непременно подозревать умысел. Но Ковальски оставил в себе часть от обычного человека, находящего подобным происшествиям и другие объяснения. Если бы этот тип из магазина ничего не сумел сделать, то попал бы в «мёртвую» картотеку²⁷, и на этом «оперативку» можно было бы свернуть. А что теперь с ним должен был делать Ковальски?

Привлекать к сотрудничеству? Чего ради? Сегодня руководство не пойдёт на создание новой стратегической программы для их отдела. Почему? Потому что предстояли президентские выборы, конгресс урезал средства, а ресурс был выработан. Новая вашингтонская администрация могла бы обвинить руководство в нецелевом использовании бюджетных средств. Ведь некоторые долгосрочные авантюры ЦРУ чуть не привели к парламентским слушаниям по нецелевому использованию денег налогоплательщиков. В прессе опять появились сообщения, что ЦРУ создаёт активы с целью их инвестирования в деятельность некоторых зарубежных компаний и получения прибылей, не облагаемых налогами. Да и потом, даже в разведке существовала своя конъюнктура, сегодня уже мало кто верил, что из экстрасенсорики можно выкачать что-нибудь полезное. Сегодня разведка увлекалась сверхчастотными генераторами. Всё-таки мы жили в середине девяностых, а не восьмидесятых.

Ковальски понимал, что перегоревшая лампочка – вовсе не повод для серьёзной разработки продавца из магазина воздухоочистителей. Но он понимал и то, что, например, упавший при демонстрационном полёте в Ле-Бурже самолёт может сорвать подписание многомиллионного контракта. И тогда заказ на поставку истребителей в какие-нибудь Эмираты перепадёт другой фирме.

Ковальски закурил и произнёс, мысленно обращаясь к «продавцу воздуха»: «Что же мне с тобой делать, мистер «электрик»?»

– «Прежде всего узнать, есть ли у этого парня технология, на чём она основывается и насколько надёжна, – сам себе ответил разведчик, – а уж там посмотрим». В Хоупа можно было вкачать дозу калипсола²⁸, но это бы значило, что играть придётся в открытую, а «электрик» становится «креветкой»²⁹, а не партнёром.

Улисс торчал в баре на Ошен-террас, где обычно толкаются поклонники местной бейсбольной команды. «Носороги» обещали с плакатов выиграть чемпионат лиги. Улисс давил тоску стаканом. Через четверть часа ему следовало вернуться в магазин. Хозяин опять принюхается к перегару, сносимому с Улисса, как солёный бриз с бухты Лоуэр-бей.

Рядом на стойку бара легла тяжёлая ладонь. Улисс невольно уставился на неё, не зная, куда девать глаза. Ладонь была бугристой и шершавой как у каменотёса, с пухлыми, закатанными в кожу венами. Хоуп поднял голову и увидел рядом с собой человека в клетчатой кепке, в суконном пальто с поднятым воротником и с шикарными английскими усами. Таким был нарисован морской офицер, прицеливающийся в тебя указательным пальцем на знаменитом

---

²⁷ данные на человека, когда-либо оказавшегося в поле зрения спецслужб

²⁸ препарат, используемый спецслужбами для получения признательных показаний

²⁹ проф. жаргон – лицо, склоняемое к сотрудничеству методом насильственного принуждения

английском плакате «Your country needs you!»³⁰, времён первой мировой войны, с которого потом американцы срисовали своего «дядю Сэма» для призыва на вьетнамскую войну.

– Здравствуйте, мистер Хоуп, – сказал этот человек, не отрывая взгляда от витрины.

– Кто вы? Я вас не знаю.

– Зато я знаю о вас почти всё.

– Что вам нужно? – насторожился Улисс.

– Здесь не самое удобное место для разговора, не так ли? Слишком шумно.

Они вышли на набережную, и незнакомец, прячась от ветра под воротник, остановил взгляд на серой спине океана.

– У меня мало времени, – заговорил Улисс.

– Это ничего. Я могу проводить вас до магазина.

Они перешли на другую сторону улицы, где ветер скрипел деревянной вывеской над дверью салона сапог и перчаток из Техаса.

– Меня зовут Эксли Поуэлл, – продолжил незнакомец, – я представляю службу безопасности корпорации «Локхид» и имею к вам предложение. Замечу, весьма заманчивое предложение.

– Что за предложение, мистер Поуэлл? – спросил Улисс поёживаясь.

– Видите ли, некоторые свойства вашей натуры стали известны руководству корпорации – и «Локхид» мог бы предложить вам сделку.

– Но я ничего не смыслю в самолётостроении.

– Вы меня не так поняли. «Локхид» интересуется ваше умение создавать аварийную ситуацию.

– А, значит, тот тип приходил от вас. Послушайте, мистер Поуэлл, я боюсь выглядеть неучтивым, но идите вы к чёрту.

– Это ваш шанс, второго такого не будет.

– Я всё сказал.

Улисс поплёлся к своему магазину, стараясь освободить голову от навязчивых мыслей.

– А сумма в миллион долларов наличными, без налоговых отчислений, вас устроила бы?

Улисс проковылял ещё несколько шагов и остановился. До него вдруг дошло, в какую историю можно впутаться. «То есть, как миллион долларов? Неужели миллион долларов?» – вскипело у него в мозгах. Это действительно был его шанс. В одно мгновение в голове Хоупа весь мир его неудач покачнулся и почти рухнул.

Усатый догнал парня и взял его под локоть.

– Я уполномочен вести с вами переговоры, – сказал Поуэлл, – такова моя миссия. Ваше имя нигде не всплывёт, никакие контракты заключаться не будут, а деньги вы можете получить наличными. Это всё.

Улисс молчал.

– Не скрою, я сам заинтересован в этой сделке, – продолжил усатый после непродолжительной паузы. – Как вы догадываетесь, в случае вашего согласия, я тоже получу свой гонорар.

– Согласен, – боясь подавиться воздухом, сказал Хоуп.

– Ну вот, моя миссия вроде бы и закончена, – задумчиво произнёс Поуэлл.

– Может заглянем к «Носорогам»? Там всё и обсудим.

– А как же ваша работа?

– Да провались она пропадом, – ожил Улисс.

Он уже собрался вернуться в бар, но Поуэлл остановил его:

---

³⁰ «Ты нужен своей стране!»

– Послушайте, мистер Хоуп, я, кажется, доложил вам, что выполнил своё задание, получив ваше согласие. Но если быть откровенным, то есть от себя самого, то сам я не дал бы вам и цента. Потому что я не верю в такие штуки. Хотя это, конечно, не моё дело.

– Плевать я хотел, верите вы или нет, – огрызнулся Улисс. – Я согласен, вы ведь этого добивались?

– Не совсем так, мистер Хоуп, впрочем, давайте пройдем к моей машине, нам всё равно по пути.

Они сели в «Меркурий» цвета чёрного жемчуга, Поуэлл повернул ключ в замке зажигания, и машина, разбрызгивая колёсами мокрый снег, выехала на пустое шоссе.

– А вдруг мы ошиблись? Деньги ведь вы получите немалые. Я привык сам принимать решения и не доверять чужому мнению, особенно в таких тонких вещах.

– Что вы хотите? – спросил Улисс.

– Я ведь могу и не выполнить свою миссию, – вдруг сказал усатый, не отрывая глаз от дороги. Или разубедить руководство компании в вашей компетентности.

– А как же гонорар?

– Он будет не такой большой, но всё равно на премию я вправе рассчитывать, ведь компания экономит миллион долларов.

– Не понимаю тогда, чего вы от меня хотите? – Выдавил из себя Улисс. – Спектакля? Ну конечно, вы хотите спектакля. Вроде того, что было в магазине, когда приходил этот ваш дружок.

Усатый ждал подобных эмоций. Он произнёс, чеканя каждое слово:

– Подтверждения, а не спектакля. Мы не в цирке. По долгу службы я не позволяю себе никаких фантазий. Как это может быть? Как можно волевым усилием сбить самолёт?

Хоуп ничего не ответил. Он отвернулся и долго смотрел в окно на проплывающие мимо серые дома. Поуэлл подумал, что парень обиделся. И вдруг машина поперхнулась очередным глотком бензина и заглохла. Прямо на ходу. Поуэлл задёргал ключом, пытаясь справиться с проблемой. Он выглядел растерянным. А справа сияла физиономия Хоупа.

– Ещё какие-то вопросы? – спросил парень издевательски.

Поуэлл завёл машину и тут же нервно раздавил ногой педаль тормоза. Колёса «Меркурия» с визгом отбросили из-под себя асфальт.

– Как ты это сделал? Послушай-ка, парень, – заговорил Поуэлл, – пять минут назад ты согласился за миллион баксов совершить диверсию на объекте военно-воздушных сил. А только что продемонстрировал, как ты это осуществишь. Дело меняется. Ты представляешь потенциальную угрозу Соединённым Штатам.

В этот момент Эксли Поуэлл перестал существовать. На его месте возник сотрудник ЦРУ Гилберт Ковальски. Он сунул под нос ошарашенному Улиссу карточку офицера оперативного управления.

– Теперь тебе обеспечено судебное преследование после каждого упавшего вертолёта, – с дьявольской улыбкой произнёс Ковальски. – Кстати, я должен задержать тебя в связи с аварией на испытательном полигоне в Сиэтле.

– Вы шутите? – выдавил из себя Хоуп.

– Какие тут шутки, – вздохнул Ковальски, доставая наручники.³¹

---

³¹ В Америке действует система прецедентного права, то есть права, создаваемого судами на основе следования принципу судебного прецедента. При разбирательстве дела суд следует ранее установленным решениям по аналогичным делам. В городе Рочестер (штат Нью-Йорк) рассматривалось дело Сары Мейховец, «наславшей порчу на административное здание», в результате чего, согласно материалам судебного следствия, был выведен из строя служебный лифт. В момент его самопроизвольного включения получил телесные повреждения работник технической службы. Судья признал С. Мейховец виновной. Согласно этому прецеденту «дело Хоупа» могло бы рассматриваться судом первой инстанции.

Он любил наблюдать, как его подопечных при вербовке распекает мученичество. Одного даже хватил настоящий сердечный приступ. То-то было смеху! Ковальски умел быть сочувствующим, внимательным и обходительным, подобно лорду-исполнителю дипломатического протокола, но он всегда оставался удавом, сжимающим своего визави за горло.

– Ты будешь сидеть, а прокурор доказывать твою вину, – продолжил цэрэушник.

– Но я не хочу сидеть, – наивно запротестовал Улисс, – что же мне делать?

Ковальски пристально посмотрел на сломленного Хоупа, задумался и, будто что-то решая для себя, сказал:

– Тебя может вытащить только работа на правительство. Может быть, даже ты заработаешь свой миллион. Во всяком случае, по разряду оплаты GS-15 годовой доход составляет 73 тысячи. Но с этого дня, с этой минуты Улисс Хоуп полностью подчиняется мне. Во всём. Согласен?

Парень кивнул. Ковальски снова завёл машину, и они поехали дальше.

– Скажи-ка для начала, как ты это вытворяешь? – поинтересовался Ковальски. Он делал вид, что интересуется подобным вопросом всего лишь постольку-поскольку, скорее ради проформы, ради уверенности, что приобрёл в лице Хоупа новую, пусть ещё не очень крепкую, стратегическую технологию, а не пьяницу-неудачника с задатками шамана. В действительности же от готовности Хоупа выложить всё как есть зависело сейчас его будущее. Заупрямься он, и Ковальскому предстояло начинать игру сначала, а потом ломать себе голову над тем, как «списать» эту никчёмную судьбишку.

– Да, в общем-то, всё очень просто, – начал Улисс и замолчал.

– Давай-давай, выкладывай.

– Однажды, я трепался с приятелем, мы поссорились, и я от этого очень разволновался. Кровь хлынула к мозгам, я будто впал в нарколепсию. Всё вокруг поменяло цвета. Особенно изменился Гукстейбл. Ну, тот мой приятель... Я видел его взглядом рентгена. Нет, скорее – взглядом тепловизора. Гук стал разноцветным. В основном – зеленовато-сине-жёлтым. Но кое-где у него на теле виднелись и красные пятна. Потом выяснилось, что красными пятнами были окрашены его старые болячки. Вот и всё.

– Что, «всё»? – не понял Ковальски.

– То есть, я хочу сказать, это и есть мой метод. Метод Улисса Хоупа. Правда, я уже перестал наблюдать тепловые поля людей, но научился видеть что-то подобное у сложных механизмов. Та лампочка в магазине взорвалась сама, я просто напрягся... – А машина?

– У вашей машины есть три или четыре фиолетовых пятна. Это то же самое, что красные пятна в теле человека. Место возможной разбалансировки.

Ковальски с любопытством посмотрел на Хоупа:

– И как ты на них воздействуешь?

Хоуп вдруг скривил рот:

– Нет, мистер шпион, вот тут извините. Это знаю только я и ни с кем делиться моим куском пирога не собираюсь. Каждый пусть занимается своей работой. Да и потом, зачем вам знать? Знать и уметь – совершенно разные вещи.

Он замолчал и стал напряжённо разглядывать деревья в сквере, расплывающиеся в мокром пятне почти прозрачного снега.

Нельзя сказать, что объяснения Хоупа возымели какое-то действие. Ковальски продолжал сомневаться, и только когда на его глазах Улисс в «Хрустальном воздухе» «подвесил» компьютер, цэрэушник окончательно сдался, поверил в существующий феномен. Теперь в дело должны были включиться такие силы, такие механизмы развития ситуации, что Ковальски невольно сник. Буря, которую он собирался поднять, легко могла смести и его самого. Ему предстояло действовать в одиночку, в одиночку укрощать эту бурю.

Разведчик произнёс, ни к кому не обращаясь:

– Со щитом или на щите³².

– Что? – не понял Улисс.

– Это старое выражение. Кажется, английское.

Ковальски обязал Хоупа писать отчёты. Каждый день.

– Я работаю в «бумажном» ведомстве. Через меня проходят тысячи документов: аналитические справки, ориентировки, предписания, и опять справки, справки, справки... В нашем деле без отчётности шагу не ступишь.

Хоупу понравилось этот оборот: «в нашем деле». Он подумал, что усатый теперь его союзник, и они вместе будут зарабатывать Улиссе миллион. Ковальски же перестраховывался. Он хотел обложить Хоупа горой косвенных доказательств. На всякий случай.

– Допустим, продал ты сегодня пару кондиционеров, напиши: «Под воздействием на клиентов реализованы две единицы товара», – наставлял Ковальски.

– Но я не воздействую на клиентов.

– Не важно, знай себе пиши.

Так неудачник Улисс Хоуп по кличке Базука стал федеральным специалистом по кличке Электрик.

Ковальски неожиданно привлекли к очередной операции, и он на два месяца потерял Электрика из виду. Когда же разведчик вернулся в Нью-Йорк и «сел» на старые дела, Хоуп уже не вызывал в нём особого оперативного энтузиазма. Ковальски понимал, что нужно навещать, «распушить английские усы», но уже который раз откладывал это на понедельник. И тут в Миннесоте упал С-130. Появился повод.

К удивлению разведчика, Электрик предоставил полнейшую и подробнейшую отчётность за это время. Кое-где он позволял себе отступление от сухого факта и вдавался в технические подробности своих достижений. А достижения были на лицо. Если только не подвергать сомнению достоверность участия в «технических конфликтах», или просто авариях, самого Хоупа.

К примеру, из отчётности следовало, что он вывел из строя на сорок минут поезд сабвэя – американского метро, на станции «Лексингтон-авеню», а в порту «заблокировал» башенный кран. Ковальски вспомнил, что об этом даже писали в газете.

Пробегая глазами записи Электрика, Ковальски подумал, что это хорошо, что тот не стал фиксировать свои результаты с помощью компьютера. Во-первых, скорее всего, записи существовали в единственном экземпляре, а во-вторых, теперь у Ковальски были на руках неопровержимые улики – признания, написанные рукой самого Хоупа. Замысел покушения на «Шатл» теперь обретал совершенно иной оттенок. Но манипулирование таким субъектом как Электрик в собственных интересах подталкивало Ковальски к преступлению с очень серьёзной формулировкой.

– Кто-нибудь ещё знает о твоих экспериментах? – спросил Ковальски, предполагая, что Улисс наверняка всё разболтал той смазливой девке, что крутилась возле Хоупа в надежде, что он сопьётся, и ей отпадёт гараж. Ковальски даже знал уже, что она собирается открыть в этом ангаре косметический салон.

– Об этом знает только один человек. Его зовут Эдвард Гукстейбл. Я вам про него рассказывал. Он ещё до вашего появления хотел предложить мне такую же сделку, – соврал Улисс. Парень подумал, что будет неплохо, если этот пижон из ЦРУ посчитает, что у него есть конкурент. Пусть даже такой, как Эдди. Но последние слова Электрика вынесли Маленькому Гуку приговор.

---

³² «Со щитом или на щите» – выражение, приписываемое спартанским женщинам, посылающим своих сыновей на войну

Кстати

За долгие годы работы с дистанционным влиянием мне не приходилось встречать универсальных «технарей». Каждый «специализируется» на чём-то своём. К примеру, Антонина Ивановна Д., пользуясь частным автотранспортом и такси (на автобусы и троллейбусы это правило почему-то не распространяется) способствовала наезду на гвозди, проволоку и т. п., что приводило к проколу шин. В год такое случалось не менее трёх раз.

Владимир Б. крушил электрику. В одно из его посещений у нас на Кантемировской вышла из строя электроплита. После его проезда в моей машине мне приходилось три или четыре раза менять предохранители.

Мне иногда удаётся на расстоянии «подвешивать» компьютер и разряжать пальчиковые батарейки в плеере.

Глава 5

Хоуп ещё не ведал, что приключилось с Эдвардом. Они теперь созванивались редко.

О том, что Гукстейбла застрелили, рассказала взволнованная Бетти. Улисс был ошарашен. Он сидел на стуле, безвольно отпустив руки и уронив голову на грудь. Бетти даже показало, что он где-то успел напиться. Но он не был пьяным, и вообще Хоуп внезапно решил больше не пить, понимая, в какую историю впутался. Теперь ему были нужны острые мысли, как шахматисту, понимающему всё, что происходит на доске, на пять ходов вперёд. Иначе этот гад из ЦРУ поступит с ним точно так же.

А Ковальски в это время прояснял ситуацию с арестом стрелка. Как следовало из полученных данных, Баллока захватило ФБР. Ковальски перепроверил эту информацию и получил подтверждение того, что вчера ФБР действительно проводило операцию в Куинсе. Правда, в некоторых газетах появились заметки, что «в ходе операции преступник был застрелен». При задержании «Тишайшего» действительно было произведено два выстрела. То, что ФБР обложило Баллока у порога «конспиративки», доказывало, что федеральные агенты знали, кто он такой. Иначе как бы они на него вышли? А это значило, что не сегодня-завтра ФБР выйдет и на него, на Ковальски, ведь «спасатель» заговорит.

Гил поставил против себя вентилятор и, несмотря на то, что было холодно, включил его на полную мощь. По комнате понеслась ударная струя тяжёлого и гладкого воздуха. Ковальски придвинул стул к компьютеру и стал набивать текст докладной. В ней он ставил в известность руководство, что провёл успешную работу по выявлению и привлечению к сотрудничеству объекта, являющегося «исключительно ценным специалистом». Работа эта, правда, была никем не санкционирована, но обстоятельства требовали немедленных действий со стороны Ковальски, поскольку попадали в категорию «особый случай». На карту была поставлена безопасность страны, тогда как санкционирование правовых действий по Хоупу заняло бы уйму времени из-за различных согласований. Кроме того, Ковальски оправдывала его некомпетентность в вопросе квалифицирования объекта. Он не имел права делать каких бы то ни было компетентных выводов, а потому должен был вынудить объект проявить, «обозначить» себя и только после этого констатировать действия объекта с целью принятия по нему дальнейших решений.

Что же касается устранения Гукстейбла, здесь выдвигалась версия попытки влияния на шантажиста, пытавшегося заполучить у «исключительно ценного специалиста» его технологию, и убийство по неосторожности. Например, при попытке Гукстейбла что-то вытащить из кармана, наёмный исполнитель среагировал мгновенно, профессионально.

Эту версию было так же трудно опровергнуть, как и доказать её состоятельность. Если дело дойдёт до судебного разбирательства, или до следственной комиссии, Баллоку решать, что ему ближе: «хит» или убийство по неосторожности. Ни в том ни в другом случае Ковальски не фигурировал в сопричастности к выстрелам в Куинсе. А на вопрос: «На кой чёрт ему, Ковальски, нужно было устранять шантажиста?», не ответит, пожалуй, никто. Нужно немедленно избавиться от пистолета. Такая машина предназначена исключительно для убийства, и никакие мотивы упреждения противника здесь не пройдут.

После того как докладная была составлена, Гилберт расслабился и подумал, что можно было бы обстряпать и другую версию, вообще никак не легализующую Электрика. Ведь Баллок о нём ничего не знал, и вывести ФБР на Хоупа не мог, а уж почему Баллок застрелил того парня в Куинсе, это и для Ковальски могло стать загадкой. Здесь всплывал и криминальный мотив. «Нет, глупость, – сказал сам себе Ковальски, – какой там мотив, кто в это поверит? Если удастся отыграть того парня из Куинса – я выпутался».

Между тем дни шли, но ничего не происходило. Ковальски понимал, что время работает против него, ведь, по его версии, он не должен был знать об убийстве Гукстейбла, а пропажа своего человека для особых поручений требовала от Гилберта каких-то телодвижений, официальных действий. Стало быть, существовала необходимость проявить себя, будь он на стороне закона. Но Ковальски продолжал отсиживаться в тихой готовности действовать.

Наконец он решил форсировать события, но не в этом направлении. Ещё два дня ушло на то, чтобы договориться о встрече с Джо Трэвисом, членом совета директоров корпорации «Локхид». Ковальски продумывал каждый свой шаг. Ему следовало бы привлечь к делу технического сотрудника, чтобы отсечь возможность записать их разговор с Трэвисом на плёнку. Но Ковальски подумал, что в ситуации, когда каждый его сотрудник может быть допрошен под присягой по делу Гукстейбла, будет лучше не увеличивать число свидетелей этой встречи.

Трэвис оказался упрямым. Он пытался выяснить, является ли визит к нему сотрудника ЦРУ официальным, какие у Ковальски полномочия, настаивал на присутствии своего адвоката. Он даже пригрозил, что прояснит ситуацию у самого директора ЦРУ Джона Дейча. Ковальски пришлось развязать роток:

– Это касается трёх аварийных «Геркулесов». Поймите, информация, которой я располагаю, является конфиденциальной. Я многим рискую, предпринимая этот шаг, но у меня есть свои причины для нашей встречи. Думаю, вы больше заинтересованы в этом. Впрочем, так же, как и «Боинг» или «Макдоннел-Дуглас»³³.

Ковальски ошибся, упомянув «Боинг». Трэвис подумал, что его просто шантажируют и, окончательно согласившись на встречу, перехватил стратегическую инициативу. Решив не привлекать к делу ФБР, на случай, если предлагаемые данные по авариям будет лучше скрыть от официального расследования (а официальным расследованием занимались ФБР и специальная комиссия военно-воздушных сил), Трэвис вышел на РУМО. Круг замкнулся.

Вечером того же дня полковник О'Брайн был поставлен в известность, что какой-то сотрудник ЦРУ пытается продать конфиденциальную информацию по упавшим самолётам.

Ирландец нервно сжимал пальцами виски. Наконец-то всплыли «Геркулесы»! Он врал себе, что знал с самого начала, что эта история с осведомителем, убитым в Куинсе, выведет его к самолётам.

Оперативники РУМО уже несколько дней вели наблюдение за Хоупом, но в эти дни Ковальски с ним не встречался. Поскольку ничто не указывало на связь предположительного шантажиста с линией Гукстейбл – Хоуп – ЦРУ, к оперативным мероприятиям по предстоящей встрече Зигель привлечён не был.

Ковальски выбрал пустующий пляж в Клифсайде. Ноющий ветер с Гудзона терзал душу. Он был как нельзя кстати, поскольку глушил прослушку. Трэвис настоял на присутствии двух телохранителей. Их массивные фигуры в чёрных плащах маячили на небольшом отдалении.

Ковальски выдвинул условие не использовать при беседе записывающих устройств. Трэвис согласился. Ковальски проверил его с помощью датчиков волнового контроля, настраивая портативную станцию, висевшую у него на кожаном ремешке на шее. После этого он совершил ещё одну ошибку. Ковальски показал Джо карточку специального сотрудника ЦРУ Тимоти Рой Беркли.

Трэвис хорошо запомнил это имя, но всё равно повторил его несколько раз про себя. Он даже запомнил личный номер Беркли. Почему Ковальски воспользовался «сгоревшей» ксивой? Во-первых, потому, что он не был Джеймсом Бондом и не имел поддельных документов на любое имя. Агенты Ковальски пользовались этой фальшивкой, вклеивая на место фотокарточки свою голографическую физиономию. А главное – Баллок не доложил Ковальски, что

---

³³ ближайшие конкуренты «Локхида»

засветился со своим документом перед полицией. Знай об этом Ковальски, он никогда больше не воспользовался бы фальшивкой на имя Тимоти Роя Беркли. Но Баллок соврал, что после убийства его отход прошёл гладко.

– Итак, я слушаю вас, – высокомерно заговорил Трэвис.

Ковальски понимал, что от его умения построить беседу сейчас зависело всё. Другого такого случая не будет.

– Три самолёта, мистер Трэвис, не много ли? – начал он, постепенно разогревая себя для интеллектуального натиска. – Комиссия запретила эксплуатацию этих машин. До особого распоряжения.

– Вы что-то собирались мне открыть по этому вопросу?

– Совершенно верно. Представьте себе, что существуют технологии, которым под силу дистанционно вызывать неисправности в работе механизмов и агрегатов самолёта. Нет-нет, я вовсе не утверждаю, что эти технологии были использованы по «С-130». Хотя и такую возможность не стоит отрицать. Речь идёт о другом. Чтобы восстановить репутацию «Локхида», ситуацию легко уравновесить. Например, создать кое-какие проблемы ещё у кого-нибудь. Без трагедий, без человеческих жертв, разумеется.

– Если я вас правильно понял, вы хотите, чтобы я купил у вас парочку аварий? – прищурив лисьи глазки, спросил Трэвис.

– Считайте, что я этого не слышал. Кто торгует такими вещами?! – деланно возмутился Ковальски. – Конечно, нет. Я просто предлагаю вам испробовать эту технологию. Под вашим контролем. Разговор останется между нами, никаких обязательств, только «да» или «нет». Под вашим контролем, – повторил Ковальски. Он прекрасно понимал, что время называть денежные суммы ещё не настало.

– И вы уверены, что это возможно?

– Я не стал бы тратить ни вашего, ни своего времени, если бы сомневался. Это может принести большие выгоды, поверьте.

– Хорошо, – согласился Трэвис, – я подумаю.

Ковальски поздравил себя с успехом. В случае, если их разговор всё-таки писало ФБР, он всегда мог оправдаться тем, что всего лишь вербовал агента. Джо Трэвис согласился участвовать в показательной аварии «Боинга». Если этот факт придать огласке, можно себе представить, какие последствия он вызовет для Трэвиса.

Ковальски шёл к своей машине, не подозревая, что регистрацию нескольких десятков оставленных вблизи пляжа машин, в том числе и его «Меркурия», уже проверяли агенты РУМО.

По выражению лица О'Брайна Зигель понял, что дело получило новый поворот.

– Снова всплыл агент Беркли, – констатировал полковник. – И как ты думаешь, в чьей машине он уехал со встречи? В машине Гилберта Ковальски. Показания Баллока подтверждаются.

Когда Зигель ушёл, О'Брайн задумался. Какую игру затеял Ковальски? То, что в ЦРУ окопался предатель, полковник не сомневался. Ковальски изобличён. Всё складывалось как нельзя лучше: обнаружены технологии, с помощью которых выявленный преступник создавал аварийные ситуации с «Локхидами». Дебют ДРІ состоялся. И какой дебют! Теперь отделу выделяют бюджетные средства, увеличат штат. Конечно, было бы лучше, если бы преступником оказался какой-нибудь араб или серб. О'Брайн понимал, что в год выборов президента, когда Клинтон выставил свою кандидатуру на повторный срок, ЦРУ не допустит скандала. Но скрыть проблему было уже невозможно. Одно дело ухлопать никому не приметного юппи в Куинсе, другое – шантажировать «Локхид». Зачем он пошёл на это? Если бы Ковальски был

террористом, то никогда бы не цапнул Трэвиса, выдав себя с головой. Значит – просто негодяй, желающий заработать на каком-то чудотворце.

Полковник неожиданно вспомнил эту фамилию, Ковальски. Ну конечно, сомнений быть не могло. Он знал его раньше. В памяти О'Брайна возник дождливый вечер 31 августа 1983 года. На глянцевою от дождя полосу Анкориджа садился корейский «Боинг» рейса KAL-007. Всё шло по графику. Светящиеся точки окошечек медленно плыли в обожженном вечерней зарёй небе. Тугие колёса «Боинга» коснулись бетонки, испарив на ней лужи. Самолёт уселся на колёсные лапы и, чувствуя уже всем весом землю, пронёсся по ней почти до конца полосы. Потом отрулил на резервную, подальше от плоского здания аэровокзала.

О'Брайн и ещё четыре сотрудника РУМО вошли в полосатый фургончик аварийной службы, уселись на лавки, и машина, крутя мигалками, зашпешила к «Боингу».

Ещё одна машина технической службы аэропорта подрулила к семьсот сорок седьмому. Из неё вышли люди в синих комбинезонах и, установив под самолётом монтажные стойки, принялись монтировать в тайник под фюзеляжем специальное оборудование³⁴.

Первым на трапе самолёта появился Ковальски. Он приказал стюарду-корейцу закрыть дверь и спустился навстречу румовцам. Ковальски предъявил документы, после чего поздоровался с каждым за руку.

– На этом мои полномочия заканчиваются, – объявил Ковальски. – Кто полетит с корейцами – вы?

О'Брайн отрицательно покачал головой и обернулся на своего помощника.

– Я должен передать вам данные по пилотам, – продолжал Ковальски, – Командир – полковник резерва Чун Бюн Ин, второй пилот – подполковник Сон Дун Вин. Оба – наши агенты. Мы долго подбирали экипаж для этой операции, остановились на их кандидатурах. Летчики они первоклассные, Чун работал командиром президентского борта, прекрасно знает район. Ваша связь с ними поддерживается по внутреннему радио через позывной «Джангл». В личный контакт не вступать. Разумеется, до введения плана «Z»³⁵. Это всё.

Разведчики поднялись на борт. Между тем приготовления шли полным ходом – в самолёт загрузили муляжи пассажиров, отдельно – обувь, которую невозможно было приспособить к обрубкам муляжных ног. В спешке не успели разметать по карманам «пассажиров» паспорта. Кинули связанную пачку паспортов на одно из сидений.

Будто предчувствуя скверный исход операции, О'Брайн мысленно попрощался с коллегами по работе. Самолёт дозаправлялся. Ещё какое-то время ушло на настройку аппаратуры. Отклонение от графика составило сорок минут.

О'Брайн проводил взглядом самолёт в ночное небо. Ковальски отправился в гостиницу, дожидаясь утреннего рейса на Нью-Йорк.³⁶

---

³⁴ радар флангового видения типа «SLAR» (Sideways Looking Airborne Radar). Позволяет проявлять радарные данные во время полёта и передавать их наземным станциям слежения или другим воздушным объектам

³⁵ план «Z» предусматривал имитацию угона корейского авиалайнера «террористами», что и объясняло его отклонение от полётного трека на участке «Анкоридж-Сеул»

³⁶ во время поиска «чёрных ящиков» в Татарском проливе водолазная группа под руководством Владимира Захарченко тщательно исследовала обломки корейского самолёта. Водолазами были обнаружены фрагменты тел примерно четырёх-пяти человек. По-видимому, членов экипажа. Самолёт упал в советской экономической зоне. Несмотря на это огромное количество судов США, Южной Кореи и других стран вели поиск следов катастрофы. После обнаружения самолёта, за прошедшие с момента аварии 20 лет, никому не удалось обнаружить останков пассажиров. На дне находились наспех приготовленные вещи «мирных корейских граждан»: около сотни пар детской обуви, примерно столько же очков и т. п. О безобразной подготовке «материальной части» операции говорит и тот факт, что цэрэушники не удосужились даже хоть чем-то заполнить женские сумочки (найденные – были внутри совершенно пусты) и развязать стопку «липовых» паспортов. Несмотря на все просчёты своей операции, американцы подняли на весь мир антисоветскую истерию по поводу сбитого «гражданского самолёта». И по сей день некоторые средства массовой информации, в том числе и в России, гневно клеймят «советскую военщину» за совершённое преступление.

На командном пункте было тихо. Только яростно стучали часы. Несколько офицеров из разведки военно-воздушных сил загородили О'Брайну экран монитора.

– Почему здесь так много народу? – спросил О'Брайн, всё ещё не смирясь с тем, что он «не сумел себя поставить» в этой совместной операции.

– Дайте полковнику стул и чашку кофе, – скомандовал безоговорочный хозяин КП полковник Хьюз.

О'Брайн с явным неудовольствием уселся перед приборами и стал глазеть на работу коллег из параллельного ведомства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.